

Жанна Швыдкая

МЕТАМОРФОЗА

Декалогия
«Гравитация жизни»

Ж-В-П 01071989

Ж-В-П 01071989

Ж-В-Ш 01011995

16+

Жанна Швыдкая

Метаморфоза. Декалогия
«Гравитация жизни»

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Швыдкая Ж.

Метаморфоза. Декалогия «Гравитация жизни» / Ж. Швыдкая — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Книга о человеке на стыке эпох. О девочке с чистым сердцем и большими надеждами, приехавшей из маленького украинского городка поступать в вуз и покорять столицу. О девушке с обожжёнными чувствами и клеймёной плотью, достигшей своего дна и сумевшей от него оттолкнуться. О молодой женщине, верившей, что замужество сделает из Золушки принцессу и всё у неё будет хорошо. Книга о том, как разбиваются мечты. О человеческих страстях, о любви и предательстве, о злобе, ненависти и утверждающемся за счёт других уязвлённом самолюбии. О поиске смысла жизни, болезненной трансформации личности и о том, как белое становится чёрным, а добро и зло порой неотделимы. О вечном конфликте отцов и детей, о попытке уравновесить ценности, заложенные в детстве, с собственным жизненным опытом и с событиями в стране начала 90-х годов XX века. Это вторая книга декалогии «Гравитация жизни». Она развивает историю героини, начавшуюся в романе о детстве «Огранка».

Содержание

Об авторе	5
Благодарность	6
Декалогия «Гравитация жизни»	7
Вступление	8
Глава 1. Машина красного кирпича	10
Глава 2. Что люди скажут	27
Глава 3. Любовь по согласию	30
Глава 4. Дурман	38
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Об авторе

Жанна Швыдкая – писатель, член Евразийской творческой Гильдии в Лондоне.

Родилась за двадцать лет до распада СССР в маленьком украинском городке, куда её родители переехали из близлежащего села, чтобы влиться в класс заводских рабочих. Сельский уклад жизни, национальная самобытность семьи и традиционное советское воспитание с сильным идеологическим подтекстом оказали влияние на формирование базовых ценностей.

Стремление к чему-то большему с ранних лет мотивировало работать над собой, трудом, характером и силой воли, пробивая дорогу. Окончила Киевский государственный университет и факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. Работала в области связей с общественностью, управляла коммуникациями в российских и иностранных компаниях, способствовала развитию науки, образования и профессиональных сообществ.

Стремительная карьера и профессиональный успех распалили амбиции, но покорение очередной вершины приносило лишь временное удовлетворение. В тридцать семь лет обнаружила собственного «сурка судьбы», мечущегося в клетке из базовых установок разума. Пережила глубокий психологический кризис. Выстоять помогло изложение на бумагу своих чувств и мыслей. Так проявлялись автобиографические истории, зарождались главы и книги, ставшие впоследствии декалогией «Гравитация жизни». И лишь двенадцать лет спустя автор решилась опубликовать первую книгу декалогии – «Огранка».

В 2019 году роман «Огранка» стал финалистом международного литературного конкурса «Open Eurasia» в Лондоне, а в 2020-м получил диплом международного литературного конкурса в Германии «Лучшая книга года».

В 2020 году вышла вторая книга декалогии – «Метаморфоза».

Благодарность

С искренним уважением – моему супругу Олегу, любовь и поддержка которого наполнили мою жизнь творчеством.

С глубоким почтением – моим родителям, Лидии и Василию, за то, что дали шанс свершиться моей истории.

С безграничной благодарностью – доктору психологии, моей дочери Мариссе, за профессиональные консультации по психологии при написании книги.

Жанна Швыдкая

Декалогия «Гравитация жизни»

«Гравитация жизни» – это художественный оттиск времени, пространства и судьбы человека на стыке эпох, представленный в уникальном цикле из десяти автобиографических книг. Каждая из них охватывает определённый хронологический отрезок и рассказывает о том, как под воздействием гравитации жизни происходит трансформация личности. В бесценное ожерелье нанизаны сотни живых историй, произошедших с героиней на её жизненном пути, позволяя тем самым читателю проследить и понять, как заложенные в детстве ценности становятся маяками совести, как сформированные ранее установки определяют будущий выбор и как ошибки прошлого шипами прорастают в настоящем.

Книга за книгой, начиная с вешнего детства и вскрывшейся ото льда юности, и дальше – к необузданной молодости, испепеляющей зрелости, выжженному экватору, перепрограммировавшей навигационные координаты зрелости, цельной золотой мудрости и, наконец, приближаясь к тихой вечности, – читатель словно препарировывает обнажённую душу героини, исследуя скрытые грани человеческой сущности. В человеке есть всё, но о той, другой, стороне, как правило, не говорят. Не говорят потому, что больно, потому, что страшно, потому, что это противоречит изначальной установке «я – хороший».

«Огранка» – первая книга декалогии «Гравитация жизни». Она о детстве, уроки которого осмысливаются человеком всю его дальнейшую жизнь. Эта книга – о том, как душевные раны ребёнка впечатываются в его характер, а детские обиды хранят в себе ответы на вопросы из взрослой жизни. О том, как принятые в обществе нормы определяют мировоззрение человека, а заложенные в раннем возрасте ценности становятся путеводными маяками его совести. О том, как гранился характер и закаляется воля, как вопреки всему девочка из провинциального городка Украины последних десятилетий СССР пытается стать личностью, в то время когда вокруг низвергаются вожди, плавится мировоззрение целых поколений и настоящее выскабливает будущее.

Как детство является исходной точкой самопознания, так и книга «Огранка» стала определяющей для всех десяти книг литературного цикла «Гравитация жизни».

В 2019 году книга «Огранка» стала финалистом международного литературного конкурса «Open Eurasia» в Лондоне, а в 2020-м получила диплом международного литературного конкурса в Германии «Лучшая книга года».

«Метаморфоза» – вторая книга декалогии «Гравитация жизни». Она продолжает автобиографическую историю героини, начатую в первой книге. Юность – первый рубеж переосмысления ценностей, личностного роста и глубокой внутренней метаморфозы человека, но именно он оказывается определяющим в судьбе и в дальнейшей жизни.

Вступление

Каждый человек проживает свою историю. Нет плохих или хороших историй, как не бывает плохих или хороших людей. Всё, что с нами происходит, – это жизненный опыт, и у каждого он свой. Тем не менее этапы становления личности, в течение которых осуществляется качественное преобразование внутреннего мира человека и выстраивается его отношение с окружающими людьми, у всех схожи. Именно в эти периоды с человеком происходят наибольшие эмоциональные, психологические и физические изменения, нередко принимающие формы крайностей.

Юношеский этап – один из самых сложных и болезненных как для самого молодого человека, так и для людей, его окружающих. Именно в юности конфликт поколений проявляется особенно остро. Пытаясь найти своё место во взрослой жизни, человек вынужден уравнивать ценности, заложенные в детстве, с собственным опытом и с окружающей его действительностью. Нередко это приводит к глубокому пересмотру базовых основ и болезненной метаморфозе личности.

В юности нередко кажется, что стоит только выпорхнуть из родительского дома в большую жизнь – и тут же окружающий мир примет нас с распростёртыми объятиями, мы станем успешными и независимыми, добьёмся славы и признания, и если не будем вершить судьбы мира, то уж точно догоним и перегоним наших родителей. Мы смотрим на старшее поколение, словно на динозавров давно минувших лет, ничего не понимающих в современном мире, в нашем мире – мире молодых, смелых и амбициозных людей нового поколения, строителей счастливого завтра. Мы считаем, что лучше «предков» знаем, как надо жить, и уверены, что для этого у нас есть всё, точнее, почти всё, кроме жизненного опыта, который в юности кажется чем-то совсем не важным. Мы хотим независимости, хотим чувствовать себя свободными личностями, над которыми не довлеет воля мамы или отца, хотим сами принимать решения, самостоятельно строить свою жизнь и делать свой выбор, за последствия которого, как нам кажется, даже готовы отвечать.

Родители хотят добра своим детям. Отпуская ребёнка в большую жизнь, они пытаются защитить его от этого мира. Родители не всегда были родителями – в молодости они так же отстаивали свою независимость и право идти своим путём. А со временем приобрели практический опыт выживания и, опираясь на него, пытаются уберечь своих детей от возможных ошибок. Родители редко рассказывают детям о своей юности, о своих просчётах, взлётах и падениях, а если и говорят, то тщательно отбирают факты, чтобы не разрушить образ «правильных родителей». Они ожидают, что ребёнок будет смотреть на мир их глазами, поступать в соответствии с их наставлениями и с той картинкой, образ которой они заложили в него в детстве. Но реальная жизнь – не выхолощенная картинка, и в ней есть всё. Отправляясь в большую жизнь, молодой человек наполнен ожиданиями, сформированными родителями, школой, социумом, собственным опытом, и очень важно, чтобы он был способен действовать не только по готовым алгоритмам, но и умел создавать новые. Кто боится упасть – тот не взлетит, кто не падал – тот не научится вставать. Каждый покоряет свои вершины, совершает свои ошибки, проживает свою историю. Все истории разные, но в них много общего. Важно, чтобы родители и дети понимали и уважали истории друг друга.

Излагая без прикрас свою жизнь и свои чувства, я делала это с добрыми намерениями и огромной признательностью к людям, окружавшим меня в те годы. Благодаря им писалась моя история, я приобретала жизненный опыт, а много лет спустя родилась книга «Метаморфоза». И хотя книга автобиографическая, не стоит искать в ней документального сходства героев с реальными людьми – это мой взгляд и моя интерпретация событий того времени. Тем не менее

все истории настоящие, глубокие и очень искренние. И как знать – быть может, вам, уважаемый читатель, они помогут лучше понять себя, своих родителей и своих повзрослевших детей.

*Искренне ваша,
Жанна Швыдкая*

Глава 1. Машина красного кирпича

Как было решено на семейном совете, моей специальностью должна стать экономика, с тем чтобы ровно через пять лет советская страна получила свежеспечённого молодого специалиста, а он, в свою очередь, – перспективную работу и кусок хлеба. Все в один голос твердили о том, что экономисты есть на любом предприятии и что это профессия будущего, но я о ней мало что знала и вникать особо не хотела. Поступление в вуз являлось для меня реальной возможностью вырваться из нашего маленького городка, получить образование, начать самостоятельно зарабатывать и никогда больше не зависеть от родителей. Это был шанс жить своей собственной жизнью, шанс найти себя, выбиться в люди, стать кем-то значимым и доказать всем, на что я способна. К тому же общение с образованными людьми открывало перспективу удачного замужества с последующим превращением провинциальной девушки в столичную мадам, но о замужестве я пока думать не хотела, а вот встретить своего принца на белом коне, естественно, мечтала. Статус университета под мои амбиции подходил как нельзя лучше. Я была просто уверена в том, что именно в университете готовят директоров предприятий, в числе которых я себя непременно видела – прямо как в фильме «Москва слезам не верит»¹, только чтобы сразу начиналось всё со второй серии и в личной жизни счастья немного добавить. Тем не менее престижным экономическим вузом в Украинской ССР был всё же Киевский институт народного хозяйства, и мне не оставалось ничего другого, как смириться с тем, что поступать придётся именно туда.

Достав из шкафа тот самый старенький серый кожаный чемодан с заклёпками, который ездил со мной в пионерский лагерь и сопровождал нашу семью в единственной за моё детство поездке на море, я три дня укладывала в него свои наряды, придирчиво отбирая для будущей столичной жизни лишь самое лучшее. Несмотря на то что половину одежды я пошила сама на домашней машинке, выглядело всё очень достойно. Каждую строчку, каждую петельку я выполняла с такой же щепетильностью, как на школьном экзамене по швейному делу, после которого мне вручили сертификат с присвоенным третьим разрядом. Особое внимание я уделяла обработке внутренних швов, считая, что изнанка вещи, как душа человека, должна быть такая же красивая, как и лицевая сторона. Скопированные у телевизионных ведущих фасоны говорили о чувстве стиля и хорошем вкусе, и если не знать тайну происхождения, то в условиях апокалиптического дефицита в магазинах можно было бы подумать, что брюки-бананы с широким поясом, белая блузка с кокеткой или клетчатая мини-юбка с зашитыми на бёдрах складками куплены за валюту у фарцовщиков на рынке или даже за границей. Естественно, что ни я, ни кто-либо из моих родственников в стан буржуев за железный занавес никогда не выбирались, и этот факт как никакой другой красноречиво отражал социальную ячейку семьи в обществе. Я об этом, естественно, старалась не распространяться, гордо демонстрируя модные вещички с пришитыми вручную иностранными лейблами, которые удавалось выменять у одноклассниц на право списать домашнее задание.

Прежде чем дополнить возвышавшуюся над чемоданом горку очередной юбкой или брюками, я придирчиво осматривала себя в этом наряде в зеркале, мысленно представляя, с чем и куда буду его надевать. Результат усилий последних лет в борьбе за фигуру приятно радовал, и казалось, что талию можно обхватить двумя руками, а тонкую шею – одной. Точёные ноги с изящными щиколотками и упругими мышцами от ежедневных многокилометровых пробежек по набережной над Днепром своей стройностью напоминали ноги скаковой лошади, и это забавное мысленное сравнение каждый раз подталкивало меня грациозно прогнуть спину и эффектно выпятить рельефную грудь. Серые распахнутые глаза притягательно выделялись на

¹ Реж. В. Меньшов (СССР, 1979).

круглом лице с милыми ямочками; пшеничного цвета волосы, завитые по последней моде в лёгкие кудри, мягко спадали чуть ниже плеч, дополняя образ привлекательной и целеустремлённой девушки восемнадцати лет. Закончив, наконец, с вещами, я уселась на крышку чемодана и, усердно тужась, защёлкнула металлические зажимы. Половина дела сделана. Осталось только поступить, но в этом я нисколько не сомневалась, как не сомневалась и в своих знаниях, уровень которых не только соответствовал специализированному физико-математическому классу общеобразовательной школы, серебряная медаль об окончании которой лежала теперь на дне чемодана, но и мог соперничать с первым курсом математического вуза.

За полночь, когда из спальни родителей послышалось монотонное сопение, перемежаемое храпом тата, я привычно покачала по сто двадцать раз верхний и нижний пресс и вышла на балкон. Летняя ночь приятно скользила по телу тёплым воздухом, на фоне чёрной бездны россыпью сверкали звёзды, пытаюсь сбежать от назидательного света круглой луны, а на лавочке под разлапистой ивой вызывающе смеялись парни и девчата. Ну вот и всё – моя последняя ночь в Каневе. Сколько раз я об этом мечтала, с какой неистовой силой умоляла судьбу позволить мне вырваться из дома родителей в большой город – и вот этот момент наступил! Не могу сказать, что я не любила свой город, но в нём я задыхалась. Являлось ли причиной этого отсутствие перспектив для молодёжи, или же дело было в моей семье и в жёстком воспитании, а может, и во мне, и в моём характере – я не знала, но все эти годы жила словно под гнётом. Порой мне казалось, что на плечах лежит что-то тяжёлое и с каждым днём оно всё сильнее вдавливают меня в землю. А мне так хотелось расправить молодые сильные крылья, подняться в небо, приблизиться к солнцу и, впитав его силу, облететь целую Землю, но вокруг все твердили, что рождённый ползать летать не должен. Я жаждала другой – яркой, интересной и насыщенной жизни, отличной от жизни моих родителей, год за годом курсирующих между огородами у бабушек в селе и работой на заводе. Я мечтала добиться успеха и изменить мир. Но самое главное – я стремилась быть личностью, у которой есть право голоса, которая может иметь собственное мнение, и это мнение для кого-то важно. Я просто хотела быть собой, но именно этого я не умела. Никто и никогда меня этому не учил. На протяжении десяти лет школа снабжала меня крепкими и обширными знаниями, требуя в ответ их безропотного поглощения. Семья же взрастила послушную девочку, для которой слово родителей было сродни заповеди, а любое ослушание каралось ремнём так, чтобы надолго отбить всякую инициативу и желание высказывать суждение, отличное от того, что сказал отец. Стремясь проявить самостоятельность, я исподтишка втягивалась в опасные истории, но даже осознание неизбежности наказания не могло задушить во мне эмбрион зарождающегося «Я». Стойкий характер, сформированный строгим воспитанием, и сила воли, закалённая в трудностях, яростно вздымали плиту, угнетавшую все эти годы мою личность. Наступало время освободиться от оков родительской воли.

Ранним утром следующего дня мы с мамой и татом вышли из подъезда нашего дома и быстрым шагом направились на автовокзал – в 5:30 отправлялся первый рейсовый автобус в Киев. Рассвет ещё не проклюнулся, и тёмные силуэты свечек-девятиэтажек вдоль улицы Героев Днепра провожали меня тусклыми фонарями над подъездами. Не осознавая важности момента, я шла по раскрошившемуся тротуару, привычно перешагивая через знакомые ямы и огибая вспученные корнями деревьев бетонные плиты, – всё как обычно, словно я направлялась не в новую жизнь, а к бабушке на огород картошку копать. За всю свою жизнь родной Каневский район я покидала всего несколько раз: когда поехала в пионерский лагерь, когда всей семьёй мы выбрались на Азовское море, со школьными экскурсиями в Ленинград и Прибалтику да в соседний район в поисках «туфель для Золушки» на школьный выпускной вечер. Каждое такое путешествие однажды закачивалось, и я вновь возвращалась в родительский дом, в тесную детскую комнату, которую все эти годы приходилось делить с младшей сестрой. То, что на этот раз всё иначе, я пока не осознавала, хотя и мечтала об этом последние несколько лет.

Ровно через три часа, пропетляв пыльными дорогами окрестных сёл и городков, красный «Икарус» прибыл на конечную остановку. Пока родители доставали чемодан и сумки, я осмотрелась. Старый одноэтажный автовокзал чем-то напоминал автовокзал в Каневе и казался уставшим карликом ушедшей эпохи. Заметив столь явное сходство, я невольно улыбнулась. Моё внимание привлекло тёмно-серое здание Житного рынка через дорогу. Ничего подобного раньше я не видела. Вздыбившийся исполин в стиле советского конструктивизма настолько отличался от исторической архитектуры вокруг, что казался грандиозным инопланетным кораблём, прилетевшим из далёкой галактики и приземлившимся в центре Подола. В изумлении я не заметила, что стою прямо на рельсах, и лишь когда тато потянул меня за руку, я наконец услышала настойчивое дребезжание подъезжающего трамвая. Поливальная машина обдала брызгами переходивших улицу прохожих, и словно по чьей-то команде одновременно рванул ревущий рой машин. Конечно, о том, что в больших городах движение регулируют светофоры, я знала и даже видела их «вживую», когда ездила с классом на экскурсию и с родителями на море, но что теперь мне придётся ходить по улицам и подчиняться их командам, поняла лишь сейчас, едва не попав под трамвай.

Во время вступительных экзаменов жить мне предстояло у нашей родственницы, тётки Жени, а после зачисления в институт я рассчитывала получить общежитие. Тётя Женя приходилась женой двоюродного брата моей родной бабушки Гали – дедушки Григория, умершего много лет назад. Несмотря на родство, назвать её бабушкой я так ни разу и не осмелилась, предпочитая обращаться «Евгения Ивановна» или «тётя Женя», – уж очень она отличалась от привычного для меня образа сельской бабушки шестидесяти лет. Несмотря на излишнюю полноту, являвшуюся, как мне казалось, следствием привычки вкусно готовить и профессии повара-кондитера, выглядела тётя Женя весьма элегантно. Густые завитые тёмно-каштановые волосы были всегда уложены в причёску, а бессменного цвета тёмной сливы помада сопровождала даже выход в магазин. Каждое утро она эффектно наносила на шею и запястья капельку любимых духов «Красная Москва», и даже после принятия ванны аромат шлейфом следовал за ней. Шёлковый шарф, модная шляпка в цвет пальто и дамская сумочка с перчатками удачно завершали образ столичной вдовствующей дамы зрелых лет достатка чуть выше среднего.

Тесные родственные связи с тётей Женей, как и с другими родственниками, мои родители не поддерживали, ограничиваясь телеграммой на юбилей и почтовыми поздравительными открытками к праздникам. Они считали, что навязываться другим людям неприлично, поэтому видела тётю Женю я всего один раз в раннем детстве, когда они с дедушкой Гришей приезжали к бабушке Гале в село, после чего несколько дней гостили у нас в Каневе. После смерти супруга вспоминать о его сельских корнях тётя Женя особо не стремилась, да и престижа в те годы это не придавало. В общении она тяготела к столичной интеллигенции, окружая себя академиками, профессорами, полковниками и врачами, а также лицами весьма почтенных должностей в эпоху товарного дефицита. По одному её щелчку они слетались на её сочные беляши с мясом и трёхъярусный медово-ореховый торт со сметанным кремом. Рецепт этого торта она создала много лет назад и за все годы ни разу никому свою кулинарную тайну не раскрыла. Заготовки медовых с орехами коржей она выпекала заранее и сразу с запасом на два торта. Упакованные в лощёную бумагу и полотенца, янтарные коржи хранились до трёх месяцев, не теряя ни своей мягкости, ни густого медового аромата. Сметана для крема покупалась только домашняя, на рынке у проверенного продавца, чтобы не испортить торт посторонним привкусом. В течение нескольких дней и без того жирная сметана отдавала через марлю остатки жидкости, после чего её вручную сбивали, превращая в маслянистый крем. Коржи перемазывались, этажи торта прочно скреплялись деревянными палочками, и, наконец, наступала пора волшебства – торт украшали. Боковины и основание каждого этажа выкладывались цельными половинками слегка поджаренных грецких орехов, после чего густым шоколадным кремом при помощи кондитерского шприца тётя Женя артистично рисовала причудливые узоры с завитушками.

Когда крем получался слишком плотным, она заменяла шприц полиэтиленовым пакетом из-под молока, выдавливая тонкую ленту через фигурный разрез в уголке, и рассаживала по ярусам аппетитные розочки. Ни в одну из возможных картонных коробок готовый торт не помещался, поэтому его укладывали на большой круглый поднос, сверху накрывали высокой широкой кастрюлей и, установив внутри специальные фиксирующие распорки, перевозили даже в самолёте, когда тётя Женя ездила в Волгоград к племяннице на свадьбу.

Предстоящее появление в доме посторонней молодой девушки, тем более из провинции, однозначно тётю Женю не радовало, но деваться было некуда, тем более что после смерти супруга никого из его родных она ни разу не навещала. Передав меня, а заодно и два копчёных днепровских леща, с трудом поместившихся в сумку, домашнюю курицу из села и пару банок свиной тушёнки в надёжные руки родственницы, родители вернулись в Канев, а я впервые в жизни осталась одна в чужом доме, в чужой семье, в чужом городе. Страшно не было, скорее как желторотому птенцу, впервые выбравшемуся из родительского гнезда, всё казалось любопытным.

Частный дом тёти Жени располагался в довольно живописном месте практически в центре Киева, в двадцати минутах езды на троллейбусе до главной улицы столицы – Крещатика. Остановка называлась «Подольский спуск», а сам микрорайон был известен как «Татарка» – по населявшим этот холм в давние времена татарам-ремесленникам. Аппендиксом к огибающей холм улице Нагорной врезался крошечный Шишкинский переулок, на котором в шахматном порядке примостился десяток частных домов с садами и небольшими огородами. Сразу за участками начинался лесной массив. Переулок неожиданно разветвлялся на несколько тропинок, которые, петляя в смутных зарослях, сбегали по крутому склону к Подолу. Добропорядочные граждане на этих тропинках не показывались, зато местные маргиналы их давно обжили. Наличие столь неоднозначных «соседей», регулярно устраивающих рейды по окрестным дворам с целью поживиться, вынуждало местных жителей быть всегда начеку. Дом тёти Жени был обнесён высоким зелёным забором, калитка запиралась на особую потайную щеколду, дотянуться до которой, даже встав на цыпочки, получалось не всегда, а вдоль сада нёс круглосучную вахту рыжий пёс Барсик породы неказистой, но с голосом басистым. Несмотря на это, каждое утро на огороде появлялись свежие следы незваных гостей, а стоило забыть снять на ночь бельё, оставить лопату или даже тапочки на крыльце – забыть о них зачастую приходилось навсегда.

Родных детей у тёти Жени не было, но с малых лет она воспитывала сына своей умершей сестры из Волгограда – Игоря. Он был старше меня лет на десять, имел высшее инженерное образование и, по моде советских интеллигентов, носил удлинённые волосы и глубоко пропахшую сигаретным дымом рыжую бороду, отчего напоминал папу Дяди Фёдора – героя мультфильма «Трое из Простоквашино» (Э. Успенский, В. Попов, Союзмультфильм, 1978). Тётя Женя постоянно сетовала, что Игорь долго гуляет и никак не женится, а ей уже давно пора внуков нянчить, но он всячески старался оградить личную жизнь от маминого вмешательства. Он много читал, серьёзно увлекался фотографией и был весьма привлекательным молодым человеком, рождённым в СССР и воспитанным, как и я, для жизни в коммунистическом обществе с его светлыми идеалами. С приходом перестройки коммунистическое общество отменили, светлые идеалы стали чем-то постыдным и старомодным, а в обществе возшла предпринимательская поросль, окучиваемая бандитами с криминальным оскалом. Ни хорошее образование, ни ставка инженера в когда-то престижном советском научно-исследовательском институте не позволяли заработать даже на хлеб, не говоря уже о том, чтобы купить банку импортного растворимого кофе или модные джинсы у фарцовщиков на рынке. Пытаясь найти своё место в стремительно меняющемся мире, Игорь оборудовал в цокольном этаже дома небольшую мастерскую, где изготавливал деревянные подсвечники, столики, карнизы, бусы и браслеты. Присущий талант художника позволял создавать невероятно красивые и вос-

требуемые вещи, но для успешного развития дела требовалась ещё и коммерческая хватка, а это уже признаки частного предпринимательства, дух которого советская власть на генном уровне беспощадно искореняла все предыдущие годы. И даже принятый в 1988 году «Закон о кооперации в СССР» в одно мгновение изменить отношение простых граждан к кооперативам не мог. Большинство населения по инерции воспринимало частников как классовых врагов, у которых тем не менее никто не гнушался покупать отсутствующие в магазинах импортные сигареты, косметику, одежду и электронику. Несмотря на то что иметь валюту советским гражданам всё ещё запрещалось, валютчики-спекулянты были по-прежнему вне закона, статью 88 Уголовного кодекса с её от трёх до пятнадцати лет с конфискацией никто не отменял. Тем не менее доллар США уже пробирався в умы и под матрасы предприимчивых граждан.

В стремительно слетающей с рельсов стране государственную власть начал теснить организованный криминал, взявший на себя часть её функций, в том числе карательную. Бандиты обложили данью всех и каждого, кто пытался что-либо самостоятельно производить или продавать. «Десятину» за «крышу» «браткам» в спортивных костюмах платили не только предприниматели крупного масштаба, продающие импортные товары или продукцию собственного производства, но и директора ресторанов и рынков, заведующие складами и базами, дантисты, проститутки, уличные напёрсточники и даже бабульки на базаре, продающие выращенную на своём огороде картошку.

Прямо здесь и сейчас кристаллизовалось новое общество, но осознать происходящие вокруг процессы я, конечно же, не могла. Жизнь вокруг я воспринимала исключительно по заложенному в меня советскому лекалу, а в нём, как известно, ни кооперативов, ни валюты, ни рэкета не присутствовало. Я всё ещё продолжала пребывать в том мире, в котором выросла, в котором было всё просто и понятно и в котором я точно знала, что делать и куда идти. Вот туда я и направлялась, и первым пунктом плана значился институт. Ничто иное меня не интересовало, а если что-то из того, о чём рассказывал Игорь, выбивалось из привычной для меня картины мира, то я относилась это к отличиям жизненного уклада в провинциальном городке и в столице.

С начала лета Игорь окончательно перебрался жить к себе в мастерскую, поставил там раскладушку, перенёс часть одежды, а отдельный вход с улицы избавлял его от назидательного контроля мамы. Бывало, крышка в полу на веранде начинает медленно приподниматься, а из-под неё в облаке древесной пыли высовывается рыжая борода с застрявшими в ней опилками. Этой мелкой древесной пылью были устланы весь дом, мебель и даже цветы на веранде. Днём и ночью Игорь вдыхал её у себя в мастерской, и тётя Женя постоянно ворчала, что он здоровье своё погубит в этом подвале. Предостережения эти он всерьёз не воспринимал, как и любые другие наставления, которые давала мама своему без малого тридцатилетнему сыну.

Когда Игорь поздно возвращался домой, тётя Женя всегда его ждала. Чтобы скоротать мучительные часы, она включала маленький ручной пылесос и охотилась на комаров, вылавливая их по углам и за мебелью. И лишь услышав знакомый стук калитки и топот в подвале, она облегчённо вздохнула, шла в свою спальню, но уснуть без снотворного уже не могла. Она всячески пыталась контролировать личное пространство Игоря, желая знать, что и где он ел на обед, когда последний раз менял бельё, с кем сегодня встречался, какие у него отношения с девушками и когда же наконец он женится. В ответ тот замыкался и практически с ней не разговаривал, сухо отвечая, что у него всё хорошо и не нужно лезть в его жизнь. Они часто ругались, но каждый оставался при своём мнении. Тётя Женя, как любая мать, чувствовала ответственность за своего бородатого лысеющего мальчика, а Игорь, в свою очередь, как взрослый сформировавшийся мужчина, хотел доказать свою самостоятельность и утвердить независимость, всячески пытаясь избавиться от её вездесущей опеки. Изматывая, допекая, но при этом любя друг друга, они жили в состоянии перманентной войны последние лет десять, и моё появление, хоть и вызвало неудобства в плане размещения, внесло определённую разрядку в

их непростые отношения. Для Игоря это стало прекрасным поводом сбежать в мастерскую, а тётя Женья смогла распределить свою гиперопеку между Игорем, мной и Ириной – её волгоградской племянницей, приехавшей, как и я, поступать в столичный институт и тоже квартировавшей у неё на время вступительных экзаменов.

По праву ближнего родства Ирину поселили в просторную спальню с большим окном, в которой раньше жил Игорь. Бездонный книжный шкаф вдоль стены обладал настоящим сокровищем советского времени – собранием произведений русской и зарубежной классики в коричневом картонном переплёте с золотистым тиснением, занимающим целых две полки. Здесь же располагался арсенал всевозможных толстых энциклопедий, позволяющих найти ответы почти на все вопросы и ставших для меня настоящим открытием, а также словари и специальная техническая литература, которую Игорь изучал в институте. В самом низу лежали фотоальбомы, стопки ещё не разобранных фотографий, а за стеклом стоял большой портрет Аллы – эффектной брюнетки, с которой Игорь несколько лет встречался, но что-то у них не срослось. Старый раскладной диван-книжка с продавленными пружинами, два вытертых кресла на тонких деревянных ножках и большой раздвижной стол, служивший письменным в будние дни, а по праздникам – обеденным, подчёркивали аскетизм мужского жилища.

Крошечная спальня тётки Жени располагалась в смежной комнате, но попасть в неё можно было только через проходную гостиную, в которой на диване напротив телевизора было определено моё спальное место. Чтобы не загромождать гостиную, мой чемодан остался жить на веранде, там же за столом я могла решать задачи, которые задавали нам на двухнедельных подготовительных курсах при институте. Телевизор в доме работал громко и допоздна, а в это время, сидя напротив в широком мягком кресле, укрытом красной ковровой накидкой, и уложив ноги на низкий табурет с расшитой подушечкой, по вечерам похрапывала тётя Женья. Стоило ей перейти на кровать – сон тут же пропадал, и полночи она могла ворочаться с боку на бок или ходить по дому. Спать на диване в гостиной под храп тётушки и грохот телевизора, хотя и было сложно, но возможно, и я успокаивала себя тем, что до общежития придётся потерпеть.

Через коридор на гостиную посматривала кухня – место силы и «рабочий кабинет» тётки Жени. Светлая и довольно просторная, она вмещала традиционный советский гарнитур, холодильник последней модели, стол на шесть персон, газовую плиту и газовую колонку на стене. В углу был оборудован специальный стеллаж с внушительным арсеналом всевозможных мисок, сковородок и кастрюлей, словно пищу готовили не для двоих, а на всех соседей в округе. На центральной полке по росту выстроились разнокалиберные банки с сыпучими продуктами, в каждую из которых тётя Женья закладывала несколько зубков чеснока – от насекомых. Единственным недостатком был пол, покрытый крупными квадратами розовой и голубой мягкой, словно прорезиненной плитки, малейшая капля воды на которой превращалась в грязное пятно, поэтому свою бессменную вахту несли за дверью швабра с тряпкой.

Из окна кухни открывался дивный вид на сад – тихий оазис безмятежности, удивительным образом сохранившийся в сердце грохочущего города и простиравшийся до самого оврага в конце огорода. Таких оврагов, глубоко прорезающих древние холмы, на Киевщине несметное множество. Они скрывают в себе мощную природную силу и, устремившись в направлении Днепра, задают особый ритм рельефу. Овраг за домом тётки Жени ничем особо не выделялся, разве что своей невероятной глубиной, крутым нравом и напористым характером. Весной в нём бушевал мощный поток, закручивая в своих пенистых водах вырванные с корнем деревья, неизвестно откуда взявшиеся ржавые металлические листы и разномастный мусор, который местные жители в течение года в него регулярно сбрасывали. Овраг ревел, словно страшный зверь, угрожая человеку за его непочтение, и злобный грохот слышался даже в доме тётки Жени. Год за годом откусывая ломти плодородной почвы, овраг всё ближе подбирался к жилым домам, земля покрывалась сеткой трещин и медленно продвигалась к его клокочущей пасти. Забуриваясь корнями в землю, деревья рьяно цеплялись за жизнь, но каждую весну овраг

поглощал ещё одну сливу или яблоню. Летом, словно насытившись, овраг начинал дремать, русло высыхало и зарастало высокой травой, но даже тогда не прекращались обвалы подмытого весенним потоком грунта. И хотя дом тёти Жени стоял почти у дороги, отголоски оползня отчётливо виднелись на его стенах и фундаменте, и по документам он имел статус аварийного. Каждый год на участок приходила комиссия с проверкой, государственные мужи дружно кивали головами, фиксировали разрывы предыдущих маячков, ставили новые, делали пометки в своих документах, обещали немедленно переселить и даже просили подготовить вещи к переезду, но через день о своём обещании забывали. Возможно, причина была в том, что внешне кирпичный дом выглядел очень добротно, стоял на высоком цокольном фундаменте, был оснащён газом, горячей и холодной водой, канализацией, а широкое крыльцо и светлая веранда навевали мысли о чём-то вечном и незыблемом. И если бы не перекошенный задний левый угол и зияющие прямо в стене сквозные трещины, предположить, что дом аварийный, было бы сложно. Даже регулярные походы тёти Жени с особыми презентами в нужные кабинеты не помогали сдвинуть вопрос с мёртвой точки уже восемь лет. На трёхкомнатную квартиру в современной новостройке, которая полагалась при переселении, каждый год находились более напористые претенденты, и, в очередной раз не дождавшись решения, тётя Женя пересадила клубнику поближе к дому. Когда разбушевалась перестройка, мздоимцам рассыпающегося государства стало уже не до дома с трещинами – у них у самих почва уходила из-под ног, а под каток перемен попасть можно было в любой момент. Неофициальные расценки на официальные государственные услуги галопировали быстрее инфляции, и торгом, даже трёхэтажным, решение уже было не протолкнуть. Тем не менее благодаря тёте Жене и её дому у меня появилась реальная возможность сделать первый шаг в мою новую жизнь. Конечно, смелости и мужества, как было в случае с родителями, решившими перешагнуть из жителей села в городской рабочий класс, от меня судьба в данном случае не требовала, но чтобы провинциальной девочке закрепиться в столице, напористости ей требуется на порядок больше, чем местной сверстнице, – это я прекрасно понимала.

Я точно знала, что поступлю, поэтому с первых дней своей новой жизни с удовольствием примеряла на себя образ столичной барышни. Мне нравился Киев. Это была любовь с первого взгляда – любовь неискушённой девочки к отъявленному щёголю. Шаг за шагом я впитывала этот город, запускала его в себя, вдыхала его ароматы, упивалась звуками, наслаждалась его темпераментом. Я представляла, каким он будет осенью, когда начнутся занятия и на клумбах вдоль проспектов вспыхнут огненные чернорывцы. Воображала, как буду гулять зимой по его заснеженным паркам, а весной – любоваться аллеями цветущих каштанов. Я была уже в нём. Я растворялась. Для полной ассимиляции мне предстояло разобраться с самыми простыми вещами, и сделать это требовалось скрытно, чтобы ни тётя Женя, ни Игорь не догадались, что я не могу даже трамвай от троллейбуса отличить.

Для начала предстояло освоить путь от дома до института, который занимал около часа, но в моём случае – почти два. Первый отрезок я преодолевала на автобусе, но дальше, вдоль проспекта Победы, предпочитала идти пешком, боясь сесть не на тот рогатый автобус. В метро я тоже спускалась нечасто, всячески избегая встречи с движущимся эскалатором и его хищными ступеньками, так и норовившими прищемить мою ногу. Подземные переходы напоминали мне детскую игру «в пятнашки», и, чтобы попасть в требуемую точку на противоположной стороне улицы, приходилось устраивать многоходовку. Но больше всего меня поражало то, как среди всех этих указателей, светофоров и пересекающихся улиц огромные массы людей немислимым образом умудрялись перемещаться, не наступая на пятки и не наталкиваясь друг на друга.

Тем не менее среди всего нового и неизведанного, что день за днём являл мне Киев, было нечто, сразившее меня с первого мгновения, впечатавшееся в моё сознание, наполнившее меня до краёв и пребывающее со мной всю жизнь. Архитектура. Впервые в жизни я открыла для

себя архитектуру. Это случилось как-то легко, словно глаза вдруг распахнулись и наполнили сердце гармонией и красотой. Конечно, по фильмам и литературе я знала, что кроме однотипных спальных коробочек и хат в селе существуют ещё и красивые дворцы, как в Ленинграде, но одно дело – загрузить картинки в свой разум, и совсем другое – осознать. Я осознала. Осознала в ту самую минуту, когда впервые увидела монументальное здание Института народного хозяйства с огромным гербом СССР и грозно смотрящими свысока серыми колоннами.казалось, что у моих мурашек на коже запрыгали собственные мурашки, и каждым вздыбившимся волоском я ощутила всю мощь и силу народного хозяйства страны. Именно эта первая встреча со сталинской архитектурой пробудила во мне тягу к величественным зданиям, вызвав огромное уважение к гению, её создавшему. Следующим шагом меня ждал Крещатик. Целостный и завершённый, он казался вершиной творения. Каждое здание стояло строго на своём месте и являлось неотъемлемой частью единого архитектурного ансамбля. Никогда раньше ничего подобного я не видела, как и не догадывалась о том, что здания могут оказать на меня настолько сильное воздействие. Впервые я почувствовала, что они способны возвеличивать, придавать уверенности, наполнять энергией, что в их власти подавлять человека и почтённо удерживать на расстоянии, не позволяя нарушать их собственные границы.

Центральная площадь, обрамлённая каштановыми аллеями, по своей форме и сама напоминала каштан, мощный ствол которого прорастал из Крещатика, а семь сбегающих с холмов улиц, словно ветки, формировали раскидистую крону с полукруглой площадью и фонтаном «Дружба народов» в центре. У фонтана было всегда многолюдно, но при этом как-то бесшумно, словно расплавленное июльской жарой время остановилось передохнуть в его живительной прохладе. Оно садилось на скамейку и, закрыв глаза, подставляло своё круглое лицо разлетающимся по ветру брызгам, ловило в струящейся воде ускользающую радугу, а затем облизывало подтаявшее эскимо на пахнущей молоком деревянной палочке.

Напротив площади, на Печерском плато, возвышалась гостиница «Москва». В угоду хрущёвской борьбе с излишествами верхушка сталинской высотки была «срезана» неумелой рукой, лишив здание запланированных башен и шпиля. Архитектурная ампутация уменьшила его высоту почти в два раза, но даже в таком виде оно являлось центром зрительного и эмоционального притяжения площади. Великий дух рождал великие проекты.

Ни я, ни Крещатик тогда ещё не знали, что спустя всего несколько лет череда разношёрстных независимых от исторического прошлого «улучшений» превратит площадь Октябрьской Революции в Майдан Незалежности, и архитектура, поставленная в услужение меркантильным потребностям обмельчавших душонок, выступит достойным отражением времени и царящих в нём нравов. Моя любимая площадь превратится в подобие детской песочницы с хаотично разбросанными игрушками; на фасад здания Дома профсоюзов водрузят огромный экран для трансляции рекламных роликов; на крышах величественных зданий вспыхнут короны из вывесок рекламодателей; исторический центр задохнётся от взметнувшего вверх частотола зданий из стекла и бетона, довлеющего над золотыми куполами древней Лавры, а сама площадь – живая сердцевина Киева – станет пульсирующим майданом протестов. Но это всё будет потом, а пока, широкая и просторная, она свободно дышала, а вместе с ней так же легко дышала я.

Занятия на подготовительных курсах института проходили в первой половине дня – свободного времени оставалось предостаточно, и шаг за шагом, непременно пешком я познавала столицу. Первым делом разведала территорию вокруг института, недалеко от которого обнаружила зоопарк. По телевизору я, конечно, видела зоопарк, но к рычанию хищника в нескольких метрах от своего уха оказалась как-то не готова. Похоже, моя взметнувшая гейзером реакция не понравилась не только тигру в клетке, но и мамочкам с колясками, и, уловив их косые взгляды, я мигом ретировалась к лотку с мороженым. Конечно, увидеть впервые живого волка или медведя в восемнадцать лет не менее любопытно, чем в пять, но именно в восемнадцать лет человек в состоянии осознать, что быть счастливым в клетке невозможно. Я это понимала

как никто другой. Моя клетка распахнулась. День за днём я раздвигала границы освоенных мной территорий, наматывая круги по городу, то последовательно расширяя, то целенаправленно сужая в направлении центра.

На Крещатик мы с Ириной приезжали по вечерам, придумав для своего «выхода в свет» неоспоримый аргумент: позвонить родителям. Стационарного телефона в доме тётки Жени не было, и единственной возможностью поддерживать связь с родными оставалось районное отделение связи или Главпочтамт на Крещатике. Заказав звонок на конкретный номер, мы ждали минут двадцать своей очереди и, получив приглашение в кабинку, снимали телефонную трубку и разговаривали с уже ожидающим на том конце абонентом. Перед поездкой на почту мы с Ирой по полчаса подбирали наряды, выводили под глазами тонкие чёрные стрелки наклюявленным карандашом и пережаривали волосы беспощадной плойкой. Тётя Женя, конечно же, всё понимала, но делала вид, что ни о чём не догадывается.

С Ириной мы были хотя и одноклассницы, но она выглядела совсем взрослой девушкой. Высокая, стройная брюнетка с копной густых завитых волос ниже плеч и красиво оформленной фигурой, она привлекала к себе взгляды мужчин всех возрастов, стоило лишь нам выйти на улицу. Неспешно прохаживаясь мимо ребят с гитарами и многочисленных групп курсантов, заполнявших по вечерам всю площадь на Крещатике, мы откровенно «стреляли глазками», всем своим видом давая понять, что не прочь познакомиться. Впервые в жизни избавившись от родительского надзора, я делала свои первые шаги в огромном мире возможностей, но хотелось лишь одного – того, чего так недоставало в детстве и о чём я так мечтала в юности, – я жаждала любви. Большой, чистой, настоящей любви – такой, как в книгах, которых на школьных каникулах я перечитала огромное множество. Я хотела, чтобы кто-то наконец обратил на меня внимание, сказал хорошие слова, погладил по голове, обнял и поцеловал. Но то ли парни попадались не те, то ли я ещё не дотягивала до уровня столичных барышень – ничего романтического из этих двухнедельных вечерних выходов у меня не завязалось, и все свои нерастратченные чувства я отдала городу, с каждым днём всё сильнее в него влюбляясь.

Приближалась пора экзаменов. Как медалистка, я имела право внеконкурсного зачисления в любой вуз после сдачи первого вступительного экзамена на «отлично», в моём случае это была письменная математика. И хотя в своих знаниях я ничуть не сомневалась, да и занятия на подготовительных курсах помогли понять уровень требований, тем не менее я, как и в школе, невероятно переживала. Проснувшись вместе со мной утром волнение стремительно нарастало, и в какой-то момент живот пронзила резкая боль. Едва успев вскочить на унитаз, я обхватила колени руками и оцепенела. После туалета немного полегчало, но ни о каком завтраке речи быть уже не могло. Выпив тёплой воды, я взяла с собой подаренную тёткой Женей шоколадку и, ответив «К чёрту!», отправилась на самый главный в своей жизни экзамен.

В какой именно аудитории состоится экзамен, абитуриенты, конечно, не знали, но, оказавшись в большом помещении с чёрными партами амфитеатром, я как-то сразу успокоилась – именно здесь проходили наши занятия на подготовительных курсах. Знакомая обстановка помогла быстро сконцентрироваться, и, пробежавшись глазами по заданиям на листке, я приступила к их выполнению. Минут через двадцать аудиторию покинул первый человек, потом ещё несколько, отчего я тут же про себя подумала: «Неужели они все решили?» Выбрав тактику от простого к сложному, я без особых усилий справилась с типовыми для меня задачами, пока не упёрлась в последнюю. Перечитав задачу в шестой раз, я так и не могла определить, математическая она или откуда-то из смежных областей – то ли химии, то ли физики. Ясно было одно: простым знанием алгебры или геометрии, даже уровня вуза, её не взять – здесь требовались смекалка, логика и, возможно, ещё что-то, о чём я пока не догадывалась. Пытаясь понять, с какой стороны к ней подступить, я исписала три листа черновика, пока вдруг не вспомнила, что что-то подобное наш учитель математики разбирала с одноклассником, поступавшим в Политехнический институт на инженера. Через минуту задача была решена, но в

это самое мгновение раздалось предупреждение о том, что экзамен подходит к концу и пора закругляться. «Десять минут! Десять минут!» – набатом звучало у меня в голове, пока я с невероятной скоростью переписывала решённые задачи с черновика на чистовик. Поставив финальную точку, рванула вниз по ступенькам к столу у сцены, успев сдать задание прямо в ту секунду, когда член приёмной комиссии протяжно произнёс: «Приём работ завершён. Работы больше не принимаются».

Очнулась я по пути домой, когда острая резь вновь пронзила живот. Всерьёз испугавшись, я принялась высматривать подходящие для этой цели кусты, но потом поняла: живот хочет, чтобы его наконец покормили. Напряжение в голове почти ушло, и, свернув в густую тень зоопарка, я уселась на скамейку, достала из пакета шоколад и, отковыряв влипшую в растаявшую тёмно-коричневую массу «золотинку», принялась его машинально заглатывать. И пока живот радостно «уркал», мозг, словно огромная ЭВМ² на каневском заводе, в сотый раз обдумывал экзамен. В том, что я решила все задания, сомнений не было, и даже последнее сделала верно, но какой-то червячок всё равно изнутри подгрызал. Меня беспокоил тот факт, что, переписывая в спешке с черновика на чистовик, я делала это, словно «кураца лапой», не особо заботясь о почерке и грамматике. Конечно, все цифры и ответы я перепроверила – всё однозначно верно, – но вот за чистописание могли придаться. «В конце концов, я же не на учителя русского языка поступаю, а на экономиста! Здесь математика важнее запятых. И тот факт, что я решила все задания, в том числе их самое каверзное, несомненно, показывает мой математический уровень подготовленности», – объяснила себе я и, успокоившись, поехала домой.

Результаты экзамена должны были огласить через три дня. Три долгих дня. Я словно оказалась в другом измерении, где сутки тянутся настолько долго, что кажется, будто ты барахтаешься в резиновых границах одного бесконечного часа, и чем сильнее ты хочешь, чтобы он закончился, тем дальше он растягивается. Сидя на скамейке в саду за домом, я не осознавала, утро или вечер, в голове всё сделалось липким и вязким, и даже Барсик лаял как-то приглушённо-тягуче. Другие абитуриенты уже готовились к следующему экзамену, а я всё ждала результат. Мне нужен был только высший балл. Как удушающе тянется время!

На третий день у входа в здание института бурлили водовороты из абитуриентов и родителей. Кто-то протискивался к висящим на стене спискам с результатами, кого-то уже утешали, а кто-то принимал поздравления. С трудом пробравшись в первый ряд, я принялась искать свою фамилию в длинном списке. Буква «П» должна быть где-то чуть ниже половины. По очереди шли «К», «Л», «М», «Н», «О» и, наконец, «П». Среди нескольких одинаковых фамилий Пономаренко я выбрала ту единственную, напротив которой стояла цифра «пять». Заветные пять баллов, только почему-то имя и отчество указаны другие. «Странно как-то. Здесь должны быть моё имя и моё отчество. Похоже, что-то напутали», – блеснула в голове первая мысль, но в следующее мгновение взгляд выхватил строчку ниже. Сердце ёкнуло и в страхе заколотилось. Всё совпадает. Не веря своим глазам, я вновь и вновь перечитывала буквы. Сомнений не осталось: это я, и мой результат – «четыре» балла.

Выбравшись из плотного сгустка абитуриентов, я направилась к остановке. «Как, как такое могло случиться? Почему вдруг “четыре”? Там точно должно быть “пять”!» – убеждала я себя, пытаюсь нащупать внутри хоть какую-то опору. Я не хотела и не готова была принять такой результат. Словно оправдываясь перед собой, я твердила, что всё решила верно, искренне в это верила и была твёрдо убеждена в том, что оценку мне занизили специально. «Даже если вдруг там случайно закралась грамматическая ошибка или просто мой почерк не понравился – это же является основанием для снижения оценки на целый балл. «В крайнем случае это “пять” с маленьким минусом, а никак не “четыре”», – рассуждала я школьными

² ЭВМ – электронно-вычислительная машина 80-х годов XX века.

категориями. Теперь мне предстояло участвовать в общем конкурсе среди шестнадцати претендентов на одно место и сдавать ещё два экзамена.

Когда я вошла в дом, тётя Женя сразу всё поняла. Час назад с таким же выражением лица пришла Ирина, правда, у неё была «двойка», и вступительные экзамены в этом году для неё закончились. Теперь её ожидала неминуемая высылка обратно в Волгоград, но, похоже, она ничуть не расстроилась. Принарядившись, Ирина уехала гулять на Крещатик, а я села за книги. Меньше чем за сутки мне предстояло подготовиться к следующему экзамену, участвовать в котором я изначально не планировала.

Время рвануло вперёд. Но на этот раз оно не шло, а стремительно мчалось, и вместе с ним по страницам школьного конспекта по обществоведению проносилась и я. Далеко за полночь, когда путаница из определений в моей голове стала доминировать над основным свойством высокоорганизованной материи, а сознание больше не отличало базис от идеологической надстройки, когда вместо призраков коммунизма, которые, согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, всё это время бродили по Европе, призраки уже начали бродить по дому тёти Жени, скрипя половицами на веранде, наступил внутренний кризис перепроизводства, время опять замедлилось, и я провалилась в сон.

Сдав второй экзамен на «отлично», я набрала в сумме девять баллов из четырнадцати, необходимых для поступления. Оставался последний – по русскому языку и литературе и единственная возможность получить «пятёрку». На экзамены в школе я всегда приходила с арсеналом шпаргалок. Но пользоваться ими абсолютно не умела и от одной мысли о списывании краснела так, словно меня уже поймали на месте преступления и выставляют за дверь. Тем не менее для внутреннего спокойствия я каждый раз заготавливала длинные раскладные гармошки. В случае необходимости эту гармошку можно было достать из рукава, расположить в ладони требуемой стороной и, незаметно переверачивая, потихоньку списывать. Конечно, знала я всё это лишь в теории и за все школьные годы ни разу не опробовала свои предположения на практике, но была уверена, что в случае чего – справлюсь. Три дня накануне последнего вступительного испытания я посвятила тому, что старалась запечатлеть мелким шрифтом победы главных героев от древней Эллады до современной перестройки на сложенных в определённой последовательности тонких листах бумаги. Здесь были и Чичиков с Кабановым, и Герасим с Муму, и Достоевский с его «Преступлением и наказанием», и, конечно же, Наташа Ростова с красавчиком князем Болконским.

Последнее испытание проходило в уже знакомой аудитории амфитеатром, но ряды присутствующих явно поредели – до финиша дошли не все. Толстый мужчина в очках и чёрном костюме вскрыл конверт и, озвучив экзаменационные темы сочинений, записал их мелом на доске. Никакого интереса они у меня не вызвали, и, понимая, насколько критично для меня написать на «отлично», я решила удивить приёмную комиссию масштабностью мысли и красотой литературного слога, выбрав для этого свободную тему.

В седьмом классе у нас появилась новая учительница русского языка и литературы – Жанна Исааковна. Кроме того, что это был первый встреченный мной человек с таким же именем, как у меня (не считая, конечно, французскую героиню Жанну Д'Арк), Жанна Исааковна заметно выделялась на фоне других учителей своей яркой внешностью, стройной фигурой, необычными для нашего городка модными нарядами, а главное – исходившим от неё притяжением и внутренней силой. Стоило ей войти в класс – притихали даже самые отъявленные болтуны, а одного её взгляда было достаточно, чтобы все сорок пять учеников нашего класса включились в урок. Она была не просто учителем русского языка и литературы – она сама олицетворяла русский язык и литературу. Красивая грамотная речь, спокойный голос и невероятная глубина знаний. Она цитировала наизусть длинные отрывки из произведений российских и зарубежных литературных классиков, изучала древних поэтов и труды великих философов, прекрасно разбиралась в мировой и советской истории, захватываяще «рисовала» картинку

географических путешествий и археологических открытий. Она не просто преподавала русский язык и литературу – она учила нас мыслить, чётко излагать суть, правильно формулировать вопросы и находить на них ответы. Она обсуждала с нами темы добра и зла, верности и предательства, мы говорили о жизни, о ситуации в мире и в нашей стране, и, конечно, о любви. Впервые взрослый человек, тем более учитель, обсуждал с нами эту запретную и волнующую всех подростков тему и что особенно важно – спрашивал наше мнение. Она любила свой предмет, и благодаря ей его полюбила я.

Писать сочинения мне нравилось всегда. Делала я это с удовольствием, с лёгкостью растекаясь мыслью по древу, разбавляя для объёма «водичкой» и сабривая в нужных местах коронными патриотическими фразами. Правильно сделанный вывод обеспечивал законную «пятёрку», не позволяя никому усомниться в гениальности созданного мной творения. С приходом Жанны Исааковны мои литературные эпосы явно упали в цене и выше «тройки» в первой четверти вообще не котировались. Отличником для неё был не тот, у кого в таблице по всем остальным предметам были «пятёрки», а тот, кто знал русский язык и литературу на «отлично». Каждый раз, оставаясь после уроков на её дополнительные занятия, я с интересом погружалась в неведомый мне мир литературы вне рамок школьной программы. Разбирая сюжет, композицию, фабулу и архитектуру порой непростых произведений, я научилась улавливать их красоту, ритм и дыхание. Я поняла, что значит выдерживать композиционную и логическую структуру собственных сочинений, благодаря чему к концу седьмого класса мои творения на восемнадцати страницах школьной тетради с заслуженной «пятёркой» Жанна Исааковна зачитывала в качестве примера всему классу. По грамматике (точнее – пунктуации) вопросы всё ещё оставались, особенно, когда увлёкшись, я неосознанно начинала соревноваться с Достоевским или Толстым в длине предложения, бисером рассыпая запятые на полутора страницах текста, но вскоре и этот бич я научилась раскладывать на составляющие.

На следующий год Жанну Исааковну перевели в другой класс, но за эти девять месяцев я прониклась незнакомым мне ранее чувством уважения к школьному преподавателю – не страхом, не насмешкой или презрением, характерными для школьной среды, а именно уважением. Я очень хотела быть похожей на обожаемую учительницу и мечтала стать такой же образованной, начитанной, культурной и, конечно же, такой же красивой.

Ближе к концу школы я начала замечать, что моё отношение к чистоте речи меняется. Мне стало стыдно коверкать русский язык, делая из него дикий русско-украинский суржик, характерный для нашего городка. Я старалась не употреблять уличные жаргонизмы, избегать просторечных выражений и говорить на языке, близком к литературным классикам или хотя бы к языку телевизионных дикторов. И хотя с дикцией у меня были всегда проблемы и с коммуникацией не все ладилось, что становилось непреодолимым внутренним препятствием для общения со сверстниками, вынуждая всё чаще оставлять своё мнение при себе, но даже монологи в своей голове я старалась произносить красиво.

В моей семье никто и никогда не допускал ненормативной лексики. Это было негласное табу. Даже в подростковом возрасте, стремясь всячески отстраниться от родителей, я интуитивно понимала, что использование бранных слов автоматически опускает на уровень дворовых мальчишек и граждан странной наружности возле бочки с пивом или с бутылкой портвейна под кустом, а этого я как раз не хотела. Конечно, ненормативной лексикой любили пощеголять ребята из старших классов, особенно вожаки, демонстрируя тем самым свою раскованность, независимость, пренебрежительное отношение к запретам родителей и ценностям советского общества, считая, что таким образом смогут привлечь девочек, и, надо сказать, нередко им это удавалось. В подростковом возрасте «плохие парни» интересны девчонкам. Тем не менее в мой лексический словарь подобные слова не проникали, как и не вызвали интерес люди, их произносящие, – скорее наоборот, я чувствовала ко всему этому внутреннюю неприязнь, и каждое слово словно жалило ядом.

Поток иностранных заимствований, щедро хлынувших в страну с ослаблением железного занавеса и идеологического пуризма, стал для советской молодёжи символом красивой заграничной жизни и собственной «продвинутой» и, конечно же, затянул в свою пучину и меня. Несмотря на это, в моём сознании иностранные слова существовали как-то отдельно от русского языка, выполняя скорее роль социального маркера, указывая на некую элитарность, позволяя выделиться и отстраниться от старшего поколения, в первую очередь от родителей и учителей в школе. Очень быстро новомодные уличные словечки просочились в газеты и на телевидение, формируя новую языковую культуру в обществе.

Именно поэтому, выбрав на экзамене свободную тему сочинения, подразумевающую в том числе собственные размышления и выводы автора, я долго не могла решить, в каком стиле её излагать: в традиционно книжном, максимально приближенном к литературным классикам, или на современном языке, отражающем перемены в обществе. Вспомнив уроки Жанны Исааковны и её наставления, благодаря которым я научилась раскрывать на «отлично» любую тему, даже о важности решений очередного съезда партии для народного хозяйства страны, я решила выдержать на вступительном экзамене в институт хорошо знакомый мне литературный стиль изложения. Приёмную комиссию я собралась покорить глобальностью затронутых вопросов и глубиной их раскрытия. А сформулированный в конце сочинения вывод не просто побуждал читателя к действию – он непременно должен был принести дополнительный балл, отчего за сочинение мне просто обязаны были поставить не «пять», а все «шесть». «Ну, или, в крайнем случае, вынести благодарность от самого начальника приёмной комиссии» – скромно решила я и, невероятно довольная собой, направилась домой.

Приехав в назначенный день за финальным результатом, вместо привычного моря голов увидела лишь человек двадцать, да и те как-то рассредоточились у входа, отчего доступ к заветному стенду оказался практически свободным. Я быстро нашла название своего факультета, а под ним – длинный список с полученными баллами за последний экзамен. Недалеко висел ещё один список, но совсем короткий – с фамилиями зачисленных. Я, конечно, начала со второго. На букву «П» нашлось всего две фамилии, но, как я ни вчитывалась, Пономаренко среди них не обнаружила. Уставившись в список, я снова и снова произносила по слогам чужие фамилии, недоумевая, куда подевалась моя. На всякий случай решила проверить списки поступивших на другие факультеты, но и там меня тоже не оказалось. «Конечно же, это какая-то ошибка! Это просто недоразумение! Сейчас я им всё объясню, и они поменяют список», – решила я, бегом направившись в приёмную комиссию. Но разговаривать со мной никто не стал, а квадратная тётушка ещё и за дверь выставила, указав на огромное объявление о том, где и когда можно забрать свои документы. «Какие ещё документы? Зачем их забирать?» – думала я, не желая верить в то, что это конец. Себя обмануть сложно. Предчувствуя неотвратимое, я побежала к длинному списку. Моя фамилия словно выпрыгнула мне навстречу, а вместе с ней по глазам хлестнули «четыре» балла. «Значит, я есть. Меня не потеряли», – безысходно прошептала я.

Ничего не понимая, я брела вдоль проспекта. Мутными горошинами слёзы цеплялись за мои длинные ресницы, катились по щекам, висли на носу и срывались вниз, разбиваясь о подпрыгивающую от рыданий грудь чёрными кляксами от туши. Я не замечала удивлённых взглядов прохожих, на которых вдруг натыкалась плачущая девушка, не слышала нервно сигналящих машин, пытающихся объехать непонятно как оказавшегося в центре проезжей части пешехода, как и не осознавала того, что уже четвёртый час иду по каким-то улицам, чужим дворам и незнакомым паркам.

Обида. Невыразимая обида поглотила меня. Она душила в горле, жгла в груди, вонзалась шипами в сердце. Её яд окутывал разум, лишал воли и способности нормально мыслить. Я не принимала случившееся. Я отторгала его. Я словно пребывала во сне, в каком-то вязком коконе из паутины, сотканном из надежд и убеждений, освободиться от которого никак не хотела. Я вновь и вновь повторяла себе, что произошедшее – какая-то нелепая ошибка, что

вот сейчас её заметят, списки исправят, и там появится моя фамилия. «А как же я узнаю, что меня зачислили? Куда они об этом сообщат?» – вдруг встрепенулось в моём сознании. «Надо прямо сейчас вернуться и оставить в приёмной комиссии адрес тёти Жени. Нет, лучше я сама завтра утром поеду и дождусь, когда повесят новый список», – сама себе бормотала я, то разворачиваясь в неясную обратную сторону, то вновь направляясь неведомо куда. Я так верила в справедливость мира и благосклонность судьбы, что не могла даже на секунду допустить, что всё уже свершилось и ничего не изменить. Отличница по жизни, я привыкла быть лучшей, и поражения для меня просто не существовало. И даже если я в чём-то чуть-чуть не дотягивала, самую малость, то у меня всегда был второй шанс: переделать домашнее задание, вырвав лист из тетрадки, стереть ошибку в слове на классной доске, пересдать плохо выученное стихотворение и даже переписать итоговую экзаменационную работу в школе.

Как и в котором часу я оказалась дома – не помню. Судя по реакции тёти Жени, со мной творилось что-то неладное, и она тут же поехала на почту – звонить моим родителям. Я рыдала весь вечер, всхлипывала ночью во сне, и когда утром следующего дня приехали мама и тато, то обнаружили меня под одеялом на мокрой подушке с красными от полопавшихся сосудов глазами, распухшими веками и странными пятнами на лице и шее. На треснутой коже губы чернела засохшая капелька крови, руки дрожали, а при попытке что-либо сказать начинала дрожать челюсть и лились слёзы. Привычным движением тато стянул с меня одеяло, отвёл в ванную и, как в детстве, умыл моё лицо холодной водой, щедро залив пол и забрызгав стены. Сопrotивляться я просто не могла, зато, вернувшись через десять минут в гостиную, уже способна была соображать. Усадив меня на стул, тато спросил, что случилось. Вчерашний день я помнила отрывочно: были списки, в которых не было меня, и бездонное чувство несправедливости. Волна обиды захлестнула меня вновь, и, захлёбываясь в соплях и слезах, я убежала в сад. Через какое-то время подошла мама и, присев рядом со мной на скамейке, постаралась успокоить. Её слова возымели обратное действие. Они рождали во мне лишь жалость к себе, а жалость мне как раз была не нужна – я верила в справедливость. В обед родители уехали, наказав непременно позвонить им вечером.

На следующий день я снова стояла на крыльце моего института, но списки меня больше не интересовали. С минуты на минуту должен был подъехать дядя Коля – тот самый сосед мамы из села Козаровка, который выбился в люди и теперь занимал высокий пост в каком-то министерстве. Именно он был для меня живым примером успеха в жизни, и сейчас именно он меня спасал. Выслушав мой сбивчивый рассказ об ошибке, он сказал, что попробует всё выяснить, смело направившись в кабинет с красивой дверью. Минут через пятнадцать меня позвали. В комнате за большим дубовым столом сидел пожилой мужчина, а перед ним лежала моя экзаменационная работа по русскому языку и литературе. Поздоровавшись, он сразу сказал, что в целом работа выполнена неплохо, вот только мной допущены исправление и одна пунктуационная ошибка. Взяв знакомые листы, я осмотрела каждую страницу – всё чисто. И лишь на последней странице красными чернилами была подчёркнута запятая и дано объяснение о том, что в данном случае употребление запятой нежелательно. Перечитала несколько раз своё предложение в сочинении и фразу проверяющего – и до меня наконец дошло, что данная формулировка не значит, что у меня ошибка с точки зрения грамматики, в противном случае её сразу бы зачеркнули без каких-либо объяснений. Всё было не так однозначно: с точки зрения проверяющего запятая казалась нежелательной, но я, как автор сочинения, была просто уверена в том, что для усиления эффекта вывода в последнем предложении запятая просто необходима. Именно в ней скрывалась вся сила предложения, и именно от этой крошечной точки с хвостиком сейчас зависела моя судьба, а может быть, даже и жизнь – прямо как в мультфильме с фразой «Казнить нельзя помиловать»³. Никаких других замечаний по тексту

³ Мультфильм «Страна невыученных уроков» (Союзмультфильм, 1969).

не было, и, окрылённая, я вышла обратно в коридор дожидаться дядю Колю. Через несколько минут без лишних слов и эмоций он сказал, что эта запятая дала повод проверяющему усомниться в моих знаниях, – именно поэтому мне снизили оценку. Тем не менее ситуацию можно исправить. «В течение двух недель на дачу под Киевом необходимо привезти машину красного кирпича. Сейчас иди и срочно звони родителям, а вечером пускай они свяжутся со мной», – спокойно произнёс он. «Самое главное: о нашем разговоре и о том, что ты видела свою работу, не говори никому ни слова. Понятно?» – строго спросил дядя Коля. Я кивнула в ответ и, окрылённая, помчалась на Главпочтамт.

До возвращения родителей с работы оставалось ещё часа четыре, но в надежде, что кто-то придёт пораньше, я каждые тридцать минут заказывала у телефонистки разговор с Каневом, наматывая в промежутках круги на площади и вокруг фонтана. Когда наконец номер ответил и меня пригласили в будку для разговора, я полушёпотом сообщила родителям радостную новость, попросив как можно скорее привезти эту самую машину кирпича туда, куда скажет дядя Коля. В тот момент я ещё не знала, что купить строительные материалы в стране, которая сама рассыпается, на полках магазинов которой отсутствуют не только трусы и туалетная бумага, но и очередь за колбасой занимать надо с вечера, – задача почти неразрешимая. Мой светлый мир, с его коммунистическими идеалами и добром, непременно побеждающим зло, не имел ничего общего с реальной жизнью – взрослой жизнью, о которой я так мечтала и в которой делала свои первые шаги.

На следующий день я снова позвонила родителям, чтобы узнать, когда они отвезут этот кирпич на дачу. «Кирпича не будет», – сухо сказал тато. Последовавшее пространное объяснение так и не помогло мне что-либо понять. Да и как я могла согласиться с тем, что у родителей нет денег и что этот самый кирпич им просто негде взять, а на базе очередь на полгода вперёд, когда здесь и сейчас решалась моя судьба и вся дальнейшая жизнь?! Рыдая, я просила родителей продать автомобиль, занять денег у соседей, обзвонить все базы и найти этот кирпич, но ничего нового сказать в ответ они не могли. «Сегодня вечером обязательно позвони дяде Коле. Это важно», – сказал тато и передал трубку маме. Пытаясь меня успокоить, она говорила о том, что жизнь на этом не заканчивается, что я ещё поступлю, но оплаченные десять минут разговора истекли и в трубке послышались прощальные гудки.

В то время я ещё не понимала, что первопричина ответа «кирпича не будет» таилась вовсе не в отсутствии или наличии денег, связей или того самого кирпича на базе, а совсем в другом. Вслух об этом родители никогда не говорили, но действовали в соответствии со своим пониманием жизни, основанном на базовых ценностях собственной картины мира.

В человеческом обществе всегда существовали два противоположных лагеря, словно две расы, получавшие свои уникальные признаки по наследству. Первая раса – это те, кто сам брал взятки и с такой же виртуозностью умел их давать. Они делали это так же естественно, как и их предки, вне зависимости от того, стоял ли у руля царь-батюшка или вождь пролетариата. В их мире вопросы решались легко и непринуждённо, скрытые от других блага оказывались доступны, а закон работал как-то по-особому. Другая раса – это те, кто давать взятки не умел или, как им казалось, не хотел. Жили её представители внутренними принципами, чувство справедливости имели обострённое, но при этом, как только речь заходила о деньгах, постоять за свои собственные интересы, как правило, не могли, точнее – не осмеливались. И хотя внешне советское общество казалось цельным и единым, эти две расы в нём всегда незримо сосуществовали, люто презирая друг друга. Первую расу – расу коррупционеров – активно высмеивали советские сатирические журналы, их образы заполняли стенгазеты, на борьбу с ними призывали агитационные плакаты, а фильмы и книги активно доносили идею того, что взяточник – это враг народа, враг страны и даже предатель Родины, бороться с которым как раз и должен представитель другой расы. Именно представитель той самой другой расы – кристально честный комсомолец или коммунист – являлся примером для подражания

тысяч советских девчонок и мальчишек. И именно он, строитель светлого общества, был призван очищать это самое общество от вредных наростов. Это было уже в крови, передавалось от родителей детям, стало частью наследственного кода советского человека. Именно к этой, второй расе принадлежали мои родители, бабушки и их бабушки. Это стало их глубинной ценностью, одной из базовых основ, составляющих их человеческую сущность. Именно поэтому они не могли допустить, чтобы моя жизнь началась с преступления. Они делали так, как велела им совесть, опираясь на своё внутреннее понимание, что такое хорошо и что такое плохо. Они имели право на этот выбор. Но ничего этого я тогда не знала и, конечно, очень на родителей обиделась. Мне казалось, что меня предали, отвергли, не защитили от этого большого мира и взрослой жизни, к которой я так стремилась и которая с первого шага подставила мне досадную подножку в форме кирпича, точнее – целой машины красного кирпича, перегородившей дорогу в моё светлое будущее.

На следующий день, ровно в десять часов утра, я неспешно прогуливалась по аллее в ожидании дяди Коли. Он немного опоздал и, судя по всему, сильно торопился. Не церемонясь, тут же сказал, что с моими вступительными баллами могут взять в сельскохозяйственную академию на заочный факультет, но для этого необходимо предоставить справку о том, что я работаю в сельском хозяйстве. На мой вопрос, какие там есть факультеты, он предложил зайти в приёмную комиссию и на месте всё узнать. То, от чего я больше всего бежала, то, чего я не хотела больше всего на свете, неотвратимой волной меня же и накрыло. Проведя все свои школьные каникулы в селе, фактически лишившись детства из-за бескрайних огородов, работать на которых меня заставляли родители, пытаюсь таким образом привить любовь к труду и взрастить чувство долга по отношению к старшим, к концу школы я всё это просто возненавидела. Никогда и ни за что я не хотела обратно в село, я не хотела быть аграрием и ни за что на свете не выбрала бы для себя такую же тяжёлую жизнь, как у моих бабушек! Я мечтала совсем о другом. Я мечтала жить в большом городе, работать в красивом здании, чтобы маникюр на руках, туфли на каблучке, чёрная «Волга» с водителем и личный кабинет. Я мечтала руководить страной, а не свиньями на ферме, но именно свиней, нарисованных в профиль и анфас на плакатах вдоль стены, судьба мне сейчас подкладывала. Вдобавок ко всему мне предстояло целых пять лет изучать биологию, причём изучать углублённо. Естественно, в школе по биологии у меня были одни пятёрки, но именно этот предмет я никогда не любила, не учила и не понимала, считая его недостойным обучающегося на физико-математическом направлении. Учительница постоянно болела, уроки отменяли, переносили или находили замену, исходя из принципа, что биологию знает любой, а прочесть урок по книжке может и учитель ОБЖ⁴. В расписании нашего специализированного класса именно уроки биологии стояли последними, и нередко именно они выступали в роли «сакральной» жертвы ради благих дел: мытья парт, уборки территории, общешкольного построения.

Когда мы вышли из здания академии, дядя Коля тут же заторопился и попросил сообщить ему моё решение вечером. Зачем ждать вечера, я откровенно не понимала. Обсуждать этот вопрос я не собиралась ни с родителями, ни с тётей Женей, ни даже с Игорем. Для меня он был закрыт в то самое мгновение, когда я услышала в названии слово «сельскохозяйственная», отозвавшееся в моей системе самоидентификации болевой точкой, на которую ненароком нажали. Конечно, само слово «академия», хотя и не дотягивало до моего понимания уровня «университета», но звучало убедительнее «института» и даже как-то интриговало, навеявая мысли о науке и учёных-академиках с бородками, в очках и чёрных костюмах-тройках. Тем не менее даже этот тонкий аргумент не мог найти брешь в панцире, за которым я пряталась от самой себя и моих детско-сельско-провинциальных комплексов. Не способствовал этому и тот факт, что за годы советской власти в обществе сложилось резко отрицательное, даже

⁴ Основы безопасности жизнедеятельности.

какое-то пренебрежительное отношение к жителям села, которые законом были прищиплены к своим колхозам, вплоть до 1974 года не имели паспортов гражданина СССР и, по сравнению с городскими рабочими, негласно считались более низким сословием. Не случайно даже среди городских детишек самыми обидными обзывательными словами были «сельпо» или «деревенщина», которыми награждали тех, кто в чём-то недотягивал до остальных, был условно неполноценным. Одним словом, вопрос о возможном поступлении в сельскохозяйственную академию я для себя закрыла, основываясь как раз на том самом слове, которого я не хотела больше всего на свете. Я приняла это решение. Впервые в жизни приняла самостоятельное решение, несмотря на то что академия оказалась последним и единственным шансом куда-либо поступить и не возвращаться в Канев в роли неудачницы.

Я злилась на бабушек с их огородами, злилась на родителей, но ещё больше я ненавидела институт. От одной лишь мысли, что мне предстоит опять в него поехать за документами, внутри всё цепенело. Теперь он воплощал для меня вселенское зло, пронзительную несправедливость, с кричащей болью от которой я сталкивалась лишь в далёком прошлом. Он словно сорвал с раны присохший бинт, обнажив то, что я сама от себя старательно прятала. Эта безбрежная душевная боль внезапно оживила тлеющие комплексы, выпустив на свободу могучего демона. Это чувство, от которого я страдала в детстве, с которым боролась в юности и которое, как мне тогда казалось, смогла одолеть: ощущение какой-то внутренней ущербности, личностной никчёмности, чувство собственной неполноценности. Придавленный моим крепким характером, скованный моей отточенной волей, этот демон кротко сидел в своей норе, выжидая удобный момент для мести. Зная, что он всё ещё там, я нередко игралась с ним, засовывая в нору палку с гвоздем, смазанным ядом несправедливости, проверяя, жив он или нет. Как оказалось, жив и, вырвавшись наружу, мгновенно разрушил маску уверенной в себе девчонки, которую я старательно вылепливала для себя последние годы и спрятавшись за которой, бесстрашно смотрела в будущее. Ожившие комплексы вновь напомнили о том, что в этой жизни я никто, что у меня нет голоса, собственного мнения и что за меня всё решают другие. Я словно ждала этого демона, звала его, чтобы потом, прикрывшись чувством жертвы, обвинять всех вокруг в своих страданиях. Он необходим был мне – необходим для того, чтобы переложить ответственность за неудачи на кого-то другого: на бабушек, родителей, институт и саму жизнь. Я нуждалась в нём и ненавидела его одновременно. Я искала виновных снаружи, не понимая, что всё у меня внутри. Мой демон пребывал во мне, являлся частью меня, но встретиться с ним лицом к лицу мне предстояло ещё нескоро.

Глава 2. Что люди скажут

Как жить после такого провала, я не знала, как и не знала, что дальше делать. Я словно упёрлась в незримую стену, о существовании которой на своём пути даже не догадывалась, а следовательно, запасного плана тоже не имела. Для себя я, конечно, нашла железобетонные аргументы в пользу своей невиновности, но объяснить каждому встречному, что в институте меня просто «срезали», несправедливо занизив оценку и потребовав взамен машину кирпича, не представлялось возможным, к тому же я дала слово дяде Коле. Для всех теперь я была обыкновенной не поступившей в институт неудачницей. Это выставляло не в лучшем свете не только меня, но и бросало тень на школу и даже на мою серебряную медаль, которой я так гордилась. Мне было стыдно за себя: стыдно перед родителями, которым предстоит за меня краснеть, стыдно перед сестрой, для которой я не только не стану примером, но и дам повод позлорадствовать, стыдно перед друзьями, родителями друзей, знакомыми и просто соседями по подъезду. Я боялась насмешек, презрительных взглядов, колких словечек, едкого шушуканья за спиной. Я стала идеальной мишенью. Я ощущала себя голой посреди огромной площади. Вот-вот подо мной запылает костёр из общественного мнения, на котором меня сожгут.

Для меня, как и для моих родителей, мнение окружающих было всегда превыше всего. В селе, где все друг у друга на виду, где каждый знает, что сосед ест, с кем спит и у кого огород сорняками зарос, мнение живущих рядом людей играло своеобразную роль судьи, становясь локальным мерилом добра и зла. Пока человек действовал в границах существующих в данном обществе норм, на фоне других ничем особо не выделялся, ел то, что едят все, пил не больше других, воровал в меру, работал наравне со всеми, вовремя женился и умер в положенный час – до тех пор он оставался понятным и безопасным, он был своим. Но стоило кому-то выделиться, обособиться или оступиться – несчастный тут же попадал в жернова общественного мнения, которое его препарировало, разбирало до мельчайших косточек, перемывало их, перетряхивало и перемальвало в муку, чтобы, не дай бог, никакая подробность не осталась незамеченной.

С самого детства меня учили жить с оглядкой на других. «Что люди скажут?» или «Что соседи подумают?» раздавалось так же часто, как и кудахтанье куриц во дворе. Отпуская меня на улицу гулять, бабушка всегда наказывала вернуться в оговорённый час, а то люди не дай бог подумают, что она плохая бабушка и не следит за внучкой. Застав свою подружку за обедом, я не могла вместе с ней сесть за стол, чтобы не подумали, что бабушка меня не кормит. Убрать огороды в страду надо было непременно первыми, чтобы люди не сказали, что наша семья ленивая. Меня учили держать своё мнение при себе, не высовываться, не выделяться, быть как все, дабы кто-нибудь что-нибудь плохое обо мне, а заодно и обо всех моих родственниках не подумал. Моя жизнь состояла из решений родителей, опирающихся на мнение этих самых окружающих. Я надевала исключительно то платье, которое нравилось моей маме, но такое, чтобы её ребёнок выглядел не хуже других. Я подметала двор лишь потому, чтобы соседи не подумали, что здесь живут грязнули. Я училась на «отлично» лишь для того, чтобы родители хвалили, бабушки гордились и давали за это деньги и сладости. Я говорила то, что хотели слышать мои близкие, поступала так, как одобряли окружающие, думала так, как учили меня в школе, видела мир таким, каким его показывал телевизор. Моё мнение никто и никогда не спрашивал. Меня как личности не существовало. Моё «Я» так и не смогло развиваться, пребывая в состоянии задушенного мнением окружающих эмбриона. Так воспитывали меня, так воспитывали моих родителей, моих бабушек, прабабушек моих бабушек – так было всегда, словно каждый член нашей семьи, а заодно и все люди нашего села и городка приходили в этот мир исключительно с одной целью: подстраиваться под окружающих. Взрослея, я продолжала пре-

бывать в каркасе заданных с детства установок, и переменой места жительства избавиться от них было невозможно.

От себя не убежишь, но тогда я этого ещё не знала. Размышляя над своей судьбой после непоступления, я оперировала понятными мне категориями добра и зла и подвергать себя общественному осуждению, конечно же, не хотела. Кроме того, возврат домой означал для меня конец всему – конец мечтам, конец надеждам, конец самой жизни. Родители всячески пытались меня убедить, что ничего страшного не произошло, что надо вернуться в Канев, позаниматься год, а потом снова поступать, но я знала, я это чувствовала сердцем, что отступить ни в коем случае нельзя. Нельзя поддаваться на уговоры, нельзя возвращаться домой, нельзя снова попасть под влияние семьи, нельзя позволить машине красного кирпича сломать мне жизнь. Это была моя жизнь. Моё «Я» сказалось «нет». Впервые я не подчинилась родителям. Вместо этого я попросила их помочь мне остаться в Киеве. Единственный вариант для этого – договориться с тётёй Женей.

Никогда раньше я не задумывалась о роли других людей в своей судьбе. Я всегда считала, что по какой-то неведомой причине мне все вокруг что-то должны: должны родители, должны бабушки, а институт просто обязан был меня принять, поэтому согласие тётёи Жени помочь я восприняла как само собой разумеющееся. Как само собой разумеющееся, я поселилась в бывшей комнате Игоря, оставив его жить в подвале; как само собой разумеющееся, я наблюдала за хлопотами тётёи Жени по моему устройству на работу. Надо сказать, что устроиться на хорошую работу в Киеве без прописки, без образования, без опыта в советское время было практически невозможно, а если кому-то это и удавалось, то исключительно благодаря особым знакомствам или, как тогда говорили, по большому благу. Но одно дело – устроиться куда-нибудь, и совсем другое – устроиться в хорошее место, где платят высокую зарплату и выдают её без задержек. Как само собой разумеющееся, я оказалась на ставке медицинского регистратора в единственной в то время в Киеве лаборатории контактной коррекции зрения при центральной городской больнице. Чего это стоило для тётёи Жени, я даже не догадывалась, видела только, что несколько раз она пекла и кому-то относила свой фирменный торт, после чего вместе со мной поехала в отдел кадров больницы.

В свои восемнадцать лет с людьми, занимающими высокие руководящие должности, мне приходилось общаться всего несколько раз, а если не считать моего крёстного дядю Петю – председателя колхоза в селе, – дядю Колю из министерства и директора моей школы, которых я воспринимала как своих, то получался один, и этим человеком как раз и был тот самый дяденька с машиной кирпича в институте. В моём представлении начальник – это как директор, только чуть-чуть поменьше, а директор – это уже почти как бог, который слеплен из другого теста, живёт в другом мире, имеет большие связи, и подчиняться ему следует беспрекословно. В его власти казнить или миловать, взять меня на работу или нет. Именно поэтому я так волновалась перед этой встречей, повторно перекрашивая стрелки под глазами и до запаха гари завивая волосы плойкой. Я хотела понравиться. Я очень хотела быть хорошей девочкой, чтобы меня взяли, чтобы я осталась жить в Киеве и надо мной больше не висел ужас возвращения в Канев.

Под дверью, обтянутой коричневым дерматином, пришпиленным гвоздями с золотистыми шляпками, стояло человек пять. Теряя белые картонные папки с матерчатыми завязками, они о чём-то полусшёпотом переговаривались. Оставив меня в конце очереди, тётёя Женя заглянула за дверь, откуда буквально через несколько минут вышли две женщины, одна из которых сразу же пригласила нас. Поздоровавшись, я присела на край стула и посмотрела на ухоженную даму средних лет за массивным столом с молочно-белым телефонным аппаратом, какие, наверное, были в самом Кремле, и широкой подставкой для ручек из зелёного гладкого камня с тёмными прожилками. Именно за таким столом в моём представлении и должен работать директор, и мне очень захотелось оказаться однажды по ту сторону стола. В этот самый

момент я услышала вопрос: «Как дела?» и засмушалась так, что не могла произнести и слова. Мне казалось, что женщина за столом напротив видит меня насквозь, знает все мои проделки и уж тем более знает о том, что я не поступила в институт. От стыда мои щёки запылали ещё жарче, глаза наполнились слезами, и от жалости к себе я едва не заплакала. «Я поступала в институт, но недобрала одного балла. Меня просто “срезали”» – начала оправдываться я, но женщина за столом напротив тут же уточнила: «Что собираешься делать?» – «Хочу годик поработать, позанимаюсь с репетитором, и снова буду поступать», – совладав наконец с собой, ответила я. «Раньше работала? Чем приходилось заниматься?» – спросила она, не отрываясь от заполнения какого-то бланка. Я с готовностью начала рассказывать об огородах в селе, о работе в полях и на колхозной ферме и о том, как сортировала клубнику на плодоовощном заводе в Каневе. «С математикой у тебя как?» – поинтересовалась она. «В школе было “пять”!» – уверенно ответила я, протягивая в качестве доказательства аттестат о среднем образовании. Быстро записав что-то в бланк, женщина передала его мне и отправила в соседнюю комнату оформлять документы. Так у меня появилась работа, но самое главное – впервые в жизни мне встретился человек, который отнёсся ко мне как к равноправному взрослому, который не читал нотаций, не навязывал свою точку зрения, а быстро и без лишних слов помог. Я очень хотела считать Елену Григорьевну своим другом, но не смела – ведь я была безмерно ей обязана, к тому же высокая должность и строгий голос удерживали меня на почтительном расстоянии. Единственное, чем я могла отблагодарить, – это не подвести, и я очень старалась.

Глава 3. Любовь по согласию

Лаборатория контактной коррекции зрения (ЛККЗ) являлась филиалом Центральной городской больницы № 14 им. Октябрьской революции, прозванной в народе «Октябрьской больницей», и располагалась на первом этаже жилого дома по улице Профессора Подвысоцкого. От дома тёти Жени добираться приходилось с тремя пересадками, но для меня эти полтора часа утром и полтора часа вечером были самыми долгожданными. Я проезжала по площади Льва Толстого, затем по Крещатику и бульвару Леси Украинки, видела невероятной красоты здания, широкие проспекты, спешащих по делам киевлян и была счастлива. Нередко я выходила из троллейбуса, неспешно шла вдоль огромных стеклянных витрин ЦУМа, мимо кафе, ресторанов и парикмахерских, а моё сердце трепетало от радости. Оно улыбалось каждому встречному: «Посмотрите, я такая же, как и вы! Я вместе с вами! Я тоже киевлянка!» Однажды я даже случайно оказалась на каком-то митинге у памятника гетману войска запорожского Богдану Хмельницкому. Чему посвящён был этот митинг, я не знала, да и меня не особо это волновало, главное, что я оказалась в гуще событий, вместе со всеми что-то скандировала, а в конце, когда люди вокруг запели украинские песни, я пела вместе с ними. Вечером этот митинг показали в новостях по всем телеканалам, и, увидев моё лицо на весь экран, тётя Женя вскрикнула: «Ты в телевизоре! Иди скорее сюда!» Пока я бежала, кадр на экране начал меняться, но свой чёрный платок с ярко-красными цветами и длинной бахромой, найденный однажды в бабушкином шкафу и ставший модным аксессуаром поверх пальто, я узнала сразу. Но для меня было важно не то, что меня показали в новостях, а то, что я жила в этом городе и ощущала себя его частью. Я гордилась собой, гордилась тем, как простая провинциальная девочка смогла повернуть своё поражение в свою же пользу. Осознать хрупкость своей иллюзии я тогда, к счастью, не могла и искренне считала, что схватила удачу за хвост.

Мой рабочий день начинался ровно в девять тридцать и заканчивался в шесть часов вечера. В течение этого времени я должна была записывать пациентов на приём к врачам, давать телефонные консультации, вести книгу учёта выданных линз и принимать за них оплату. Работа, конечно, не высокохудожественная, но зато в белом халате и в окружении самых передовых в то время офтальмологических технологий коррекции зрения. Попасть на эту должность мечтали многие, платили довольно хорошо и, главное, регулярно, что являлось редким исключением среди государственных учреждений конца восьмидесятых, но место досталось именно мне. Я воспринимала всё это как естественную компенсацию от судьбы за ситуацию с институтом, а тот факт, что всё это лишь благодаря тёте Жене и её человеческому желанию помочь, моё набиравшее силу «Я» в расчёт не принимало. В стране, где всё было в дефиците, главной ценностью являлись человеческие отношения и связи, но понять это я тогда ещё не могла.

До поступления в ЛККЗ о контактных линзах я вообще ничего не слышала, и в моём представлении очки являлись единственным способом помочь людям с нарушениями зрения. Однако сама идея контактной коррекции зрения была высказана Леонардо да Винчи ещё в шестнадцатом веке, а в конце девятнадцатого оптическая контактная линза была уже подробно описана и применялась на практике. Тем не менее даже столетие спустя технология изготовления контактных линз оставалась всё ещё примитивной, а сами линзы – жёсткими и крайне неудобными. В лаборатории на специальном оборудовании вытачивалась жёсткая заготовка размером с радужку глаза, шлифовалась, а потом, в течение долгих месяцев, человек привыкал к инородному телу у себя в глазу. От сильного порыва ветра линзы часто убегали под верхнее веко – и тогда прямо на ходу приходилось их оттуда выуживать. Бывало, что в самый неподходящий момент мелкая песчинка попадала в глаз, вызывая острую боль и водопад слёз. Линзы натирали глаза, царапины на них являлись рассадником бактерий и причиной воспа-

ления, поэтому спасительные стекляшки приходилось регулярно кипятить. Очередь на линзы доходила до трёх месяцев, люди приезжали со всех регионов страны, а наша лаборатория являлась едва ли не единственной в Украине, где можно было их изготовить. Стоит отметить, что к тому времени уже тридцать лет как чешским учёным были изобретены мягкие контактные линзы и весь мир ими успешно пользовался, но лишь с открытием границ они стали поступать на территорию бывшего СССР. Киевская лаборатория стала одной из первых, кто организовал их поставки из-за рубежа, но ждать такой заказ приходилось по восемь-десять месяцев. Как работник ЛККЗ, я, конечно же, без очереди воспользовалась благами технологического прогресса, на личном опыте познав жёсткую и мягкую радость оттого, что мир вокруг снова приобрёл чёткие контуры. Начиная с последних классов школы моя прогрессирующая близорукость просто галопировала, но очки надевать я всё равно стеснялась, считая, что это не понравится мальчикам. Дошло до того, что я с первой парты не могла разглядеть пример на классной доске, но упрямо продолжала щурить глаза. Я боялась, что меня начнут обзывать «очкарик», а в комплексе с уже имеющимся прозвищем Колобок, которым меня наградили ещё в младших классах, очень не хотела превратиться в «Колобка-очкарика». К сформированной в раннем детстве установке «Что люди скажут?» добавилось подростковое «Что мальчики подумают?» – и я делала всё для того, чтобы нравиться и угождать мнению окружающим в силу своего разума.

Под Новый год на работе решили устроить настоящее костюмированное представление. Коллектив у нас был небольшой, преимущественно из врачей-офтальмологов, техников и медсестёр, поэтому на роль Деда Мороза выбрали нашего молодого техника, а Снегурочкой, конечно, меня. Я очень обрадовалась, но тут же с ужасом поняла, что подходящего под образ платья у меня нет. В то время купить или взять напрокат костюм было просто невозможно, и я решила его сшить.

Больше года я не прикасалась к иглке с ниткой, и вот теперь вновь с радостью делала выточки и втачивала сложный воротник-стойку. Швейной машинки у тётки Жени не оказалось, поэтому каждый шов пришлось проходить вручную. Конечно, я мечтала блеснуть на празднике, хотела похвастаться своим портновским талантом, но была и другая, скрытая сторона: шитьё занимало всё моё свободное время и хотя бы ненадолго позволяло заглушить первую сердечную боль по имени Артур.

Мы познакомились в начале октября. Возвращаясь как-то с работы, я вышла из троллейбуса на несколько остановок раньше, чтобы пройтись пешком по Крещатику. Низкое солнце золотом заливало опавшую листву бульвара, скользило по брусчатке, рассыпалось «зайчиками» в больших витринах. Засмотревшись на своё отражение, я почувствовала чей-то взгляд, и тут же в стекле отразился мужской силуэт. «Девушка, с вами можно познакомиться?» – произнёс приятный голос. Оглянувшись, я увидела высокого, одетого в фирменный джинсовый костюм с красивыми прострочками молодого человека лет двадцати пяти. Он широко улыбался, карие глаза смотрели открыто, но цепко, и казалось, что просвечивают меня, как рентген в больнице. Впервые в жизни со мной кто-то знакомился! Как себя вести и что говорить, я не знала и, растерявшись, пробормотала что-то несурзное о том, что на улице с парнями не знакомясь. От смущения я не знала, куда свой взгляд направить. «Я Артур», – представился парень и вопросительно взглянул на меня. «Жанна», – ответила я, улыбнувшись. Долю секунды мы изучающе оценивали друг друга, словно обменивались невидимыми токами, после чего парень предложил меня проводить.

Артур учился на третьем курсе режиссёрского факультета Киевского института культуры и жил в общежитии недалеко от моей работы. Всю дорогу он рассказывал о кино, о том, как каскадёры выполняют опасные трюки, – я смеялась, что-то говорила в ответ и даже не заметила, как мы оказались у калитки моего дома. На прощанье договорились встретиться на следующий день на остановке возле ЛККЗ.

Предчувствие чего-то огромного и долгожданного захлестнуло меня. Всё ещё никем не целованная девушка, я без оглядки отдалась новому для меня чувству, с детской непосредственностью доверившись первому молодому человеку в своей жизни. От одной мысли об Артуре мои щёки вспыхивали кленовым жаром, по телу проносилась горячая волна, а в сердце разгорался огонь. По вечерам Артур ждал меня на остановке, и, взявшись за руки, мы убегали гулять. Бродили по старинным улочкам, шуршали листьями в парках и, укрывшись последним теплом осени, часами сидели на скамейке, вдыхая терпкий аромат бархатцев и нашей любви.

В конце октября пошли дожди, и мне срочно понадобились сапоги. В тот вечер с Артуром мы не встречались, и, получив накануне зарплату, я решила пройтись по магазинам. Я искала красные высокие сапоги, красные перчатки и красную сумку, которые должны были дополнить моё модное новое пальто тёмно-фиалкового цвета с выточками на рукавах, эффектно продолжавшими линию плеча. Свои сапоги я увидела сразу. Они стояли на центральной витрине и выгодно выделялись на фоне тусклой бесформенной обуви. Примерив, я подошла к зеркалу и, довольная собой, грациозно выставила ножку. Неожиданно знакомый голос сказал: «Тебе очень идёт». Оглянувшись, я увидела широкую улыбку Артура, напоминавшую улыбку Чеширского кота⁵ – с такой же способностью исчезать и вот так внезапно появляться. Обрадовавшись случайной встрече, он тут же предложил прогуляться, а большую коробку с сапогами занести к нему в общежитие, которое было намного ближе, чем мой дом. Я так сильно проголодалась, что ни о какой прогулке думать не могла, но Артур сказал, что ужин берёт на себя. Он постоянно хвастался кулинарными умениями, давно обещал угостить своим коронным блюдом, а тут такой повод – новые сапоги!

На общей студенческой кухне обе газовые плиты были зажарены до черноты, кипел забытый кем-то чайник, а запах пельменей разносился по всему коридору. Каждое движение Артура было точным и быстрым, и я с удовольствием наблюдала, как любимый парень нарезает ветчину и готовит салат. Стоя у плиты я возненавидела с тех самых пор, как в школе занялась своей фигурой, объяснив себе, что кухня – главный враг женщины. Пока Артур хлопотал с ужином, я вернулась в его комнату, расставила тарелки на журнальном столике и осмотрелась. Две параллельные кровати вдоль стен, шкаф с большим зеркалом, телевизор на тумбочке и даже холодильник в прихожей за дверью – всё это вовсе не походило на аскетическое жилище вечно голодных студентов. Чисто, уютно, а на фоне тусклого коридора с облезшей краской на стенах – и вовсе роскошно. Как рассказал Артур, комнату для него обустроил отец, который был директором какого-то предприятия на Западной Украине. Когда мы только зашли, на второй кровати спал сосед, но, увидев Артура с девушкой, без лишних вопросов удалился, словно между парнями существовал какой-то негласный код договорённостей. Этой детали я тогда внимания не придала, тем более что в общежитии находилась первый раз и хотела как можно больше узнать о студенческой жизни. Через двадцать минут комната наполнилась ароматом макарон с обжаренными овощами, и мой голодный живот требовательно заурчал.

После горячего ужина и сверкающего в хрустальных бокалах шампанского, которым «обмыли» сапоги, меня сморил сон, и, свернувшись калачиком на кровати, я задремала. Алкоголь действовал на мой организм как снотворное, и в этом моя реакция совпадала с маминной, которая даже после глотка вина или обычной домашней настойки вскоре засыпала. Открыв глаза, я решила, что уже утро. Испугавшись за тётю Женю с её больным сердцем и давлением, я обеспокоенно спросила «Который час?» Присев рядом на кровать, мягким голосом Артур прошелестел: «Девять». Он медленно погладил мои волосы, шею и плечи, а я, всё ещё пребывая в полудрёме, таяла в его нежных руках. Прикосновение к груди откликнулось напряжением, вызвав страх и любопытство одновременно. Раньше мы иногда разговаривали на интимные темы, и о том, что у меня ещё не было парня, Артур знал, поэтому старался быть деликатным.

⁵ Персонаж книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» (1865).

В этих вопросах он оказался гораздо опытнее меня – уже встречался с другими девушками, но о своих личных контактах никогда напрямую не говорил. «Не бойся, я обо всём позабочусь», – прошептал он.

Когда мы оделись, Артур был сильно раздражён. Я пыталась понять, в чём дело, что я сделала не так, но он молчал. Обняв его, я хотела поцеловать, но он неожиданно отстранился и резко сказал: «Ты меня обманула». Его слова хлестнули сердце, словно бритва. Не понимая, в чём именно состоял обман и почему у него так резко изменилось отношение ко мне, я схватила пальто, сумочку и, рыдая, выбежала в коридор. Тысячи, тысячи мыслей пронеслись в моей голове, словно лампочки, включая и выключая вопросы, ответов на которые у меня не было: «Почему? За что? Как же так? Что мне теперь делать? Что со мной будет?», но единственное, что стало очевидным, – так это то, что мной воспользовались, а потом бросили, сделав ещё в чём-то виноватой.

По пути на остановку Артур меня догнал и, не говоря ни слова, пошёл рядом. Моё сердце разрывалось. Я любила его, любила так сильно и так искренне, что отдала себя, и не понимала, действительно не понимала, почему он на меня обижен. На эскалаторе в метро, не выдержав «молчанки», я пристально посмотрела ему в глаза и ещё раз спросила: «Что случилось?» Он не ответил. Пауза затянулась. Его грудь вздымалась, словно он собирался с духом что-то мне сказать.

– Ты меня обманула. Ты сказала, что я у тебя первый, что ты ни с кем ещё не спала, что ты девушка, – выдохнул он.

– Но это правда! – мгновенно выпалила я, и поток возмущения жаром ударил по щекам. – Я ни с кем до тебя не спала. Ты первый! – отчётливо произнесла я, не обращая внимания на оглянувшихся с нижней ступеньки людей. – Ты же видишь, я ничего об этом не знаю! Я даже целоваться не умею!

– Но почему не было признаков невинности? – спросил Артур.

– Не знаю, – тихо ответила я. – Наверное, что-то со мной не так. Может, мне сходить к врачу? – спросила я, робко посмотрев ему в глаза.

– Это уже не поможет, – раздражённо ответил он.

Я пыталась ухватиться за любую соломинку, найти любой аргумент, но ни слов, ни доказательств у меня больше не было. Отчаяние обжигало разум. «Поверь мне», – произнесла я сдавленным голосом и тихонько заплакала. Приблизившийся к платформе поезд заставил встрепенуться, и, прикрывшись нарастающим грохотом, я вдруг выпалила: «Если ты мне не веришь – не провожай меня. Нам незачем больше встречаться». Не понимая, как всё произошло, я заскочила в полупустой вагон и, не оглядываясь, направилась в дальний угол. Если бы вагоны между собой общались, я бы убежала в самый конец, спряталась бы от Артура, себя и своего позора, но бежать было некуда.

Оставшуюся часть пути мы ехали молча. Раз за разом я мысленно возвращалась к событиям сегодняшнего вечера, пытаюсь понять, что со мной не так, чем я отличаюсь от других девушек и почему вынуждена оправдываться за то, чего не совершала, но в чём меня обвиняют. «Обвиняют» – это слово щёлкнуло внутри меня, искрой ворвавшись в моё сознание. Сквозь мутные слои памяти проступали расплывчатые картинки из моего далёкого детства – того самого дня, когда что-то нехорошее произошло с шестилетней девочкой в кустах за магазином в Костянце. Пшеничные колоски тоненьких косичек с атласными лентами, фиолетовые колокольчики на платье, игрушечная коляска с куклами и чёрная бабочка с яркими синими кругами на крыльях. Я бегу за бабочкой всё дальше и дальше, прямо к магазину «КООПТОРГ», где мама покупала мне сладкую подтаявшую халву. Из магазина выходят соседские мальчишки, среди них «мой мальчик» Коля. Я его зову, он не слышит, забыв о бабочке, я уже бегу за ним. «Жених и невеста!» – увидев меня, кричат мальчишки. Кусты шевелятся. Коли нет. Губа с молодым пушком прямо возле моего лица... Какой-то мужчина принёс меня маме. Я плачу,

что испачкала платье и меня теперь отругают... Последствия, точнее – реакция взрослых испугали сильнее, чем то, что произошло. Все меня в чём-то обвиняли. Клеймо прожгло нежное детское сердце, породив боль и сформировав глубокий комплекс неполноценности. Стремясь упредить эту боль, я заранее надевала на себя вину, а чтобы сгладить её, начинала оправдываться. Я оправдывалась везде и за всё, даже за поступки, которые не совершала. Пытаясь укрыться от этой боли, я загнала её в дальний пласт своей памяти, но от себя спрятаться невозможно. Однажды, набравшись смелости, я спросила об этом у мамы, но она сделала вид, что не знает, о чём я говорю. Ответ на мучивший меня вопрос я так никогда и не узнала. Тогда я была не в состоянии понять, что её чувство вины горше моего. За эти годы она сжилась с этим чувством, приспособилась к нему и вскрывать старую рану не хотела. Возможно, она боялась моих упрёков, а может, боялась себя. Четырнадцать лет спустя эта боль вновь меня настигла, безжалостно пронзив жалом любовь на платформе метро под грохот приближающегося поезда.

Возле калитки Артур молча поцеловал меня в щёчку и, подняв воротник куртки, быстро зашагал обратно. О своих догадках я, конечно, ему ничего не сказала, да и говорить что-либо было слишком поздно. Холодный осенний дождь забивал косой стеной, а я стояла на крыльце, боясь зайти в дом. Ещё утром я уходила девушкой, а вернулась женщиной. Услышав лай Барсика, тётя Женя вышла на улицу. Увидев меня, вымокшую и всхлипывающую, сразу заподозрила неладное. «Что случилось?» – встревоженно спросила она.

Я пыталась скрыть свои чувства, но, похоже, это не получалось. Тысячи оправданий вихрем носились в голове, и вдруг я вспомнила о сапогах. Уцепившись за эту спасительную мысль, я быстро ответила: «Я сегодня купила дорогие сапоги и оставила их в комнате у Артура, чтобы коробка не мешала нам гулять по городу. Вечером мы поссорились и расстались, и теперь я осталась и без сапог, и без Артура», – сказала я и, не сдержав рыданий, побежала в свою комнату. Понимая, что осталась не только без сапог, я весь вечер не осмеливалась поднять глаза, да и вряд ли тётя Женя поверила в мою историю с сапогами: уж очень необычно я себя вела после первой близости и первого расставания.

От одной лишь мысли о том, что мы с Артуром больше не увидимся, в груди всё сжималось, сердце замирало, и я переставала дышать. За эти полтора месяца я настолько к нему привязалась, что не могла и представить, как без него жить. Впервые я влюбилась – влюбилась по-настоящему. Я столько лет этого ждала, так просила судьбу, так мечтала встретить своего парня, того единственного, ради которого пришла в этот мир, ради которого жила все эти годы! Целиком, без остатка я отдалась этому новому чувству, и оно жгучей болью окатило моё сердце. «Неужели все фильмы и книги, неужели всё это о боли?» – терзала я себя, не находя ответа.

Весь следующий день шёл дождь. Я задержалась на работе и, голодная, торопилась домой. Резкий порыв ветра вывернул мой зонт, вылив воду на голову. Я принялась отряхиваться, и вдруг увидела знакомый силуэт с большой коробкой. Подбежав, Артур собрал непослушный зонт и, чуть улыбнувшись, вытер каплю на моем носу. Я тоже улыбнулась. Посмотрев в глаза, он неожиданно поцеловал мою руку и мучительно знакомо прошелестел «Прости». Не дав опомниться, привлёк меня к себе и чувственно поцеловал в губы.

В тот вечер на ужин у нас были рыба с картофелем и фруктовый салат, а на десерт Артур подарил мне прекрасный урок любви. Теперь мы виделись три-четыре раза в неделю, и каждая такая встреча открывала для меня что-то новое. После работы Артур привычно ждал меня на остановке, и мы сразу направлялись к нему в общежитие. Чтобы не терять времени, мы практически перестали гулять по городу, а его комната превратилась в наше тайное место встреч. Однажды Артур признался, что врач рекомендовал ему вести регулярную половую жизнь, чтобы вылечить угревую сыпь на лице. Это откровение стало для меня полной неожиданностью. Узнать, что тебя просто используют, оказалось невероятно горько. Я любила его и надеялась, что это взаимно, или, по крайней мере, что у него есть ко мне чувства. За два

с половиной месяца наши отношения дальше постели не развились, и вскоре я поняла, что никаких серьёзных намерений у Артура нет. Он не знакомил меня со своими друзьями, никуда не приглашал, да и мной как личностью особо не интересовался. Он был опытен, предельно открыт, а предложенный им вариант «любви по согласию» и меня, и его до поры до времени устраивал. Я приняла его игру и пыталась получить максимальную пользу если не для души, то хотя бы для тела. О первой нашей близости мы вспоминали с улыбкой, но горький осадок от этого не исчез, вот только у каждого из нас он был свой.

Приближался Новый год, а вместе с ним – последнее десятилетие двадцатого века. У Артура началась сессия, и разлука в три дня казалась для меня настоящей пыткой. Разбуженная чувственность жаждала сиюминутного удовлетворения и с каждым разом всё большего, словно пытаюсь заполнить пустоту в сердце. Отдавая себя без остатка, я требовала такой же отдачи от партнёра, и постельных встреч мне уже становилось недостаточно.

В начале декабря Артур сказал, что экстерном сдал сессию и на целый месяц уезжает к родителям в Закарпатье. «Ты шутишь? – не поверив, засмеялась я. – А как же я, а Новый год?» – «Ты работаешь, а на Новый год можешь в Канев отправиться или с тётей Женей побыть, – с улыбкой, не предполагающей возражения, ответил он. – Не переживай, в середине января я вернусь, и мы вновь увидимся». Я не могла поверить, я не верила, я всё ещё думала, что это шутка или Артур готовит для меня какой-то необычный новогодний сюрприз: 31 декабря неожиданно объявится на пороге моего дома или под бой курантов постучит в дверь. Я уже привыкла к тому, что, как будущий режиссёр, он постоянно придумывал какие-то сценки или изображал из себя персонажей известных фильмов, но на этот раз получилась не сценка, а явный сигнал к концу отношений. Принимать это мой разум отказывался. Подсознательно я всё ещё надеялась, что не сегодня, так завтра он непременно позовет меня с собой, и мысленно перебирала гардероб, пытаюсь отобрать лучшее для встречи с его родителями. Каждый вечер я ждала услышать: «Поедешь со мной?», что значило бы почти как: «Выйдешь за меня?», но он так и не предложил. В день отъезда Артура я не решалась выйти даже в магазин, боясь с ним разминуться. В душе я всё ещё оставалась маленькой девочкой, ждущей своего принца на белом коне, который спасёт её и увезёт в далекий прекрасный замок. Он уехал, а я всю ночь тихо скулила в подушку, спрашивая себя, почему со мной так поступили и что со мной не так. словно в детстве, я вновь влезала в кожу без вины виноватой жертвы, но на этот раз меня лишили ещё и сердца. Я так сильно любила Артура, что считала, будто смогу зажечь ответный огонь, но трением тел искру в сердце не высечь. Вихрем вальса осенней листвы я кружилась в своих мечтах, примеряя венки любви из увядших от боли цветов.

Чтобы отвлечься от обиды, я сосредоточилась на пошиве новогоднего костюма для представления на работе. Моё уязвлённое самолюбие стремилось доказать всем но в первую очередь самой себе, что я – лучше всех. Тётя Женя не переставляла удивляться моему портновскому усердию, не догадываясь, в чём его истинная причина. Когда через две недели, надев голубое платье Снегурочки, я запорхала по дому, она в изумлении сказала, что даже её портниха вряд ли что-то подобное смогла бы сделать, тем более без машинки. Облегающее на талии и расклёшенное книзу, длины ровно такой, чтобы прикрыть попу и продемонстрировать всю длину моих стройных ног в белых капроновых колготках, платье выглядело очень эффектно. На рукавах, высоком воротнике, вдоль всей застёжки и по низу шла опушка из ваты, густо усыпанная мелкими сверкающими осколками из ёлочных игрушек. Подол и рукава я вышила серебристыми снежинками из новогоднего дождика и причудливыми узорами, какие мороз обычно оставляет на окнах домов. К платью прилагались сверкающая расшитая бисером корона со струящимся серебристым дождиком по волосам и длинный посох со звездой на конце, который по сценарию я вручала Деду Морозу для добрых дел. В то, что я всё это сделала сама, на работе никто не мог поверить. Костюм просто завораживал, притягивал взгляды и даже рождал споры. Я так вошла в роль Снегурочки, что дети сотрудников весь вечер бегали за мной гуськом, а

в конце под одобрительное ликование заведующая лабораторией Татьяна Васильевна вручила мне приз за лучший образ.

На следующий день о моём костюме знали уже не только в отделе кадров, но и во всей больнице. На работе мне всё чаще начали доставаться продуктовые наборы с дефицитной копчёной колбасой и сгущёнкой, поступающие в государственные организации по специальному распределению. Впервые получив такой паёк перед Новым годом, я тут же достала металлическую банку с узнаваемой синей этикеткой и, проделав ножницами дырку в крышке, жадно втянула густую сладость. От общего зала, где ожидали приёма пациенты, регистратура была отгорожена деревянной стойкой с высоким стеклом, и, чтобы посетители не увидели, что мед-регистратор на рабочем месте потягивает сгущёнку, я как бы случайно роняла на пол ручку или линейку, а потом, спрятавшись под столом, успевала сделать несколько глотков. К вечеру банка опустела, а я, невероятно довольная собой, удовлетворённо облизывалась. Детская страсть к сладкому проявилась с новой силой, но на этот раз приторная сгущёнка отчасти компенсировала отсутствующую без Артура сексуальную разрядку, без которой я уже пребывала почти две недели.

Однажды старейший врач лаборатории принесла на работу невероятно красивый голубой стёганый халат, который кто-то из знакомых привёз дочке из Чехословакии, но размер не подошёл. Слегка расклешённый, в меру приталенный, с лёгкими воланами внизу и на рукавах, он был даже чем-то похож на мой новогодний костюм Снегурочки, только длиною в самый пол. У всех тут же загорелись глаза – такую вещь не то что в универмаге или на рынке не купить, по большим связям в валютных магазинах достать невозможно! Все по очереди его примерили, но когда я закружилась в нём по коридору, единогласно согласились, что халат должен стать моим. От такого внимания я густо покраснела, а когда поняла, что должна буду отдать за него половину зарплаты, – едва не расплакалась. С февраля дважды в неделю я занималась с репетитором, рассчитывая на этот раз сдать вступительный экзамен по математике на «отлично», и две трети моей зарплаты уходило именно на это, а оставшаяся часть – на еду, проезд и какие-то бытовые мелочи. Мечта о поступлении в институт стала для меня навязчивой целью, высотой, которую я непременно должна была взять. Просить деньги в долг я не хотела, считая это не только неправильным, но и крайне вредным, а иногда и опасным решением, – во всяком случае, именно такой позиции придерживались мои родители, и в этом я с ними была согласна. Долг рождает зависимость, порабощает разум, лишает свободы. Тяга советских людей эпохи товарного дефицита к красивым вещам, особенно импортным, или, как тогда называли, к «фирме», с непременным ударением на «и», с открытием железного занавеса стала безудержной. Заграничные вещи указывали на особый статус их владельца, наличие у него связей, денег, а главное – на его принадлежность к особому кругу людей, тщательно отстраивающему себя от простых советских граждан. Импортный лейбл стал своеобразным пропуском в другое общество и в другую жизнь. За подлинные кроссовки с тремя полосками, американские джинсы или культовую дублёнку фарцовщикам на рынке отдавали всю зарплату, а не имеющие возможности их приобрести по старинке довольствовались вечными кедами с мячиком и штанами-трениками с вытянутыми коленками – в точности как у Балбеса в комедии «Кавказская пленница» («Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика», режиссёр Леонид Гайдай, «Мосфильм», 1967). В своей приверженности культуре «фирмы» я, конечно, исключением не стала и, экономя на еде, месяцами откладывала на джинсовую «юбку-варёнку». Импортные вещи для меня стали не только синонимом определённого положения в обществе, которых недоставало семье заводских рабочих и добиться которых я так стремилась, но и атрибутом независимости от родителей и собственного «Я». Тем не менее от халата я вынуждена была отказаться – на моей внутренней чаше весов институт перевесил. Узнав, что у меня не хватает денег по причине занятий с репетитором, врач предложила выплачивать частями на протяжении трёх месяцев. Так впервые в жизни у меня появилась заграничная вещь, и я купила её самостоятельно.

О том, что ещё каких-то шесть месяцев назад надо мной висела гильотина неизбежности возвращения домой в Канев и жизнь казалась загубленной, я не вспоминала. Хорошее вытеснило плохое, и я это воспринимала так же закономерно, как смену ночи днём. С появлением работы я считала себя киевлянкой, дом тёти Жени воспринимала пусть и временным, но своим домом, а поступление в институт – делом времени, точнее, лета. Открывшись жизни, я вновь доверилась судьбе и с надеждой смотрела в будущее. Перевернув горькую страницу первой любви, я вновь устремилась на поиски счастья.

Глава 4. Дурман

Ещё осенью у Игоря появилась девушка. О том, что она есть, мне он рассказал по секрету, но от мамы свои отношения тщательно оберегал. По вечерам он всё чаще где-то пропадал, иногда даже не приходил на ночь, что рождало у тёти Жени тревожные мысли, повышало давление и лишало сна. Не выдержав натиска, Игорь наконец представил Таню. В свои тридцать лет она выглядела как подросток: модные джинсы обтягивали тоненькие ножки, лицо пряталось в пышных чёрных волосах, спадавших мягкими локонами на плечи, оставляя лишь большие глаза и белоснежную улыбку на фоне смуглой кожи. Казалось, что в любой момент ветер может оторвать её от земли и унести в облака. Яркая внешность досталась Тане от мамы – Азы Степановны, – по линии которой, как рассказывала потом тётя Женя, намешано много кровей. Замужем Таня ещё не была, и все вокруг твердили, что ей нужно срочно рожать. Больше всех по этому поводу сокрушалась тётя Женя, обеспокоенная слишком узкими бёдрами потенциальной невестки и её немолодым возрастом.

Надо сказать, что в СССР вклиниваться в личную жизнь считали своим долгом не только родственники, соседи и товарищи по партии, но и государство, не оставившее своим гражданам права на эту самую личную жизнь. В восьмидесятые годы молодые люди СССР и вовсе перестали стремиться вступать в брак. Проблема была не столько в том, что развод стал нормой жизни, а в том, что мужчины и женщины самостоятельно разучились строить отношения и оберегать семью. Всплеск объявлений в газетах от желающих познакомиться, мешки с письмами читателей, изливающих редакциям журналов свои семейные трагедии, и расцвет брачных агентств, занимающихся обычным сводничеством, лишь подтверждали этот феномен, нашедший своё отражение в песнях советской эстрады и в художественных фильмах⁶ тех лет. Сделав личную жизнь делом общественным, государство в том числе диктовало, в каком возрасте и сколько нужно иметь детей, пытаясь регулировать этот вопрос общественной моралью и налогом на бездетность. Рожать первого ребёнка считалось нормой в возрасте до двадцати пяти, в противном случае женщина попадала в зону риска, но не по биологическим показателям, а по отношению в обществе, предоставляя повод повесить на себя, словно на устаревшую модель машины для производства потомства, унижительную этикетку «старорожающая первородка». Своим долгом государство считало и регулирование проблем в семье, превращая их в общественное достояние, вынося на партийные собрания, устраивая настоящие судилища с лишением премии и даже исключением из партии провинившихся. Чрезмерная государственная опека обесценивала способность мужчины и женщины самостоятельно обустраивать своё семейное счастье, а отсутствие какого-либо сексуального воспитания превращало их отношения в супружеский долг. А долгов, как известно, следует избегать.

Таня всё чаще стала бывать у нас дома, а Игорь всё чаще оставался у неё на ночь. Однажды, когда Игорь с Таней уединились в его мастерской, а тётя Женя ушла на рынок, в дверь дома кто-то постучал. Через окно на веранде я увидела высокого молодого человека с чёрными кудрявыми волосами. Не открывая дверь, я спросила, кто он такой и что ему надо. Оказалось, это Алексей – родной брат Тани, который пришёл взять у неё ключи от квартиры, так как свои забыл дома. Так мы и познакомились.

После развода родителей Тане и Алексею осталась двухкомнатная квартира на четвёртом этаже обычной советской хрущёвки, расположенной в соседнем микрорайоне Сырец, получившем своё название от протекающей по нему одноимённой реки. Родители устроились в новых семьях, а брат и сестра жили в квартире вдвоём. Алексею было девятнадцать. Он год как окончил техникум, но трудиться по рабочей специальности не хотел, да и негде особо было

⁶ Например, художественный фильм «Одиноким предоставляется общежитие» (СССР, 1983).

– промышленность страны билась в конвульсиях, к тому же завод никоим образом не входил в сферу его эстетических интересов. Он увлекался театром, живописью, философией, обладал утончёнными манерами, хорошим вкусом и какой-то опасной особенностью очаровывать девушку с первого взгляда.

До 1990 года оставались считанные дни. Артур уехал к себе на Закарпатье, мне же в Канев совсем не хотелось. Узнав, что Новый год я планирую встречать с тётёй Женей, Алексей пригласил меня в свою компанию. И хотя виделись мы до этого всего несколько раз, да и то на веранде мельком, его предложение я приняла с радостью – встречать Новый год в компании парней однозначно веселее, чем с бабушкой. Но то ли парни оказались слишком молоды, а их девушки чрезвычайно юны, то ли моё эмоциональное состояние слишком взрослое, но вместо романтической ночи я вынуждена была вместе с великовозрастными детьми рассказывать анекдоты, прыгать по диванам и бросаться подушками. Не знаю, чего я ожидала, но уж точно не играть в карты на поцелуй или раздевание, как и не предполагала, что Алексей так странно близок к своим друзьям, младше на несколько лет. О том, что девочки взрослеют быстрее мальчиков, я знала, но впервые видела, чтобы внешне взрослые парни, почти мужчины, вели себя как подростки в пионерском лагере. Хотя, скорее всего, дело было вовсе не в парнях, а во мне. Сходиться с людьми я не умела никогда, интересным собеседником тоже не была, острые колкости отпускать не умела, а любой выпад в свою сторону воспринимала крайне болезненно, замыкаясь в себе и стараясь как можно быстрее исчезнуть из поля зрения обидчика. Нередко, вместо того чтобы веселиться, я сидела, надувшись, в углу, всем своим видом демонстрируя, насколько мне здесь неинтересно. Высокомерие, как защитная реакция на комплекс неуверенности в себе, всё чаще подталкивало меня избегать шумных компаний, предпочитая общаться один на один.

На Рождество тётя Женя собралась в гости к своим родственникам в Волгоград, Игорь всё чаще пропадал у Тани, поэтому кормить Барсика и присматривать за домом поручили мне. Не успела тётя Женя выйти из дома, как на крыльце появился Алексей. Вначале я даже решила, что они встретились, но по счастливой случайности этого не произошло. Выглядел он так, словно пару часов прождал в кустах: длинные волосы обледенели, вместо шапки, которую он принципиально не носил, на голове возвышался смёрзшийся сугроб, руки и щёки пылали, большие мягкие губы подрагивали, и от холода он даже не мог говорить. Я напоила его горячим чаем, мы разговорились и даже не заметили, как всё произошло – быстро и как-то наивно-бесхитроно.

Через несколько дней вернулась тётя Женя. Праздничные дни закончились, и мне опять предстояло идти на работу. В первый же выходной, побывав в гостях у Азы Степановны, тётя Женя сообщила, что знает, чем мы здесь с Алексеем занимались. Эта новость застала меня врасплох. Я даже предположить не могла, что все подробности своей личной жизни этот взрослый девятнадцатилетний парень в деталях рассказывает маме. Этот странный и невероятный подлый поступок казался мне недостойным нормального мужчины. Моё самолюбие было задето. Нам следовало расстаться тут же, без обсуждений, прощений и признаний, но я решила откровенно поговорить, пытаюсь тем самым то ли перевоспитать, то ли дать ещё один шанс. Унизив меня, в дальнейшем он мог так же поступить и с другой девушкой. Я могла постоять за других, но не умела защищать себя. В его раскаянье я поверила. Каким-то невыносимым образом он убедил меня в том, что всё это просто случайность, которая больше не повторится, и что с мамой он поделился лишь потому, что это был его первый в жизни близкий контакт с девушкой. Он самоутверждался, растапывая мою репутацию. Но тогда осознать это я ещё не могла, а может, просто не хотела. Услышав слово «люблю», я растаяла, словно мороженое на палочке. Впервые в жизни кто-то сказал, что меня любит! Впервые в жизни в любви мне признался мужчина! Невольно сравнивая Артура и Алексея, я мысленно упрекала своего первого парня в том, что он ни разу не произнёс слово «люблю», зато сейчас я слышала признания

по несколько раз за вечер. Я так долго стремилась к этому и, наконец-то обретя свою любовь, очень боялась её потерять. Мне хотелось видеть рядом с собой настоящего мужчину, такого, который соответствует слову «мужество», зрелого не только физически, но и эмоционально. Нелепость всей этой ситуации вылилась в то, что всю ответственность в итоге пришлось взять на себя: это я была на год старше, это я оказалась немного опытнее, это я не предупредила половозрелого мальчика о том, что рассказывать маме подробности своей интимной жизни вовсе не обязательно. Не заметив этого, я вновь надела на себя чувство вины. А если я виновата – значит, вину надо загладить, оправдаться прежде всего перед собой, и лучший способ, как мне казалось, – это любить и быть любимой. Я стремительно погружалась в новое для меня чувство, ревностно охраняя нашу с Алексеем границу.

Теперь мы встречались не таясь. Небольшую квартиру на Сырце, одна из комнат которой была проходной, приходилось делить между двумя влюблёнными парами, что создавало массу неудобств. Мы даже график установили, по каким дням кто дома, но без накладок не обходилось. Как младший, Алексей всё ещё смущался своей сестры и под её пристальным взглядом вновь ощущал себя маленьким мальчиком. Как-то в наш день мы с Алексеем задержались. В условленное время возле входной двери что-то зашуршало, раздались несколько длинных звонков и послышались нарочито громкие голоса Тани и Игоря. Вскочив с кровати, мы обмотались простынями и помчались в ванную. Приняв душ, я засобиравалась домой, а Алексей как ни в чём не бывало поцеловал меня в щёчку и отправился в свою комнату смотреть телевизор.

На часах было почти двадцать три. Из-за сильной пурги дороги замело, и целых сорок минут не было троллейбуса. На такси простые советские граждане, как известно, не ездили, причём не только в булочную, но и по городу – как по причине высокой стоимости, так и по идейным соображениям⁷. Тем более не могла осмелиться сесть в полночь в такси одинокая девушка, если, конечно, это не девушка лёгкого поведения. Прячась от колючего ветра за воротник коротенького полушубка, я ритмично постукивала посиневшими в тонких капроновых колготках ногами, с надеждой вглядываясь в кромешную тьму пустой дороги. Вокруг не было ни души. С тоской и какой-то душевной обидой посматривала я на тёплый свет в окнах чужих квартир, представляя, как там сейчас хорошо, как пьют чай и смотрят фильмы. В этот момент я впервые поняла, что Алексей, ревниво опекаемый мамой и сестрой, несмотря на свой уже детский возраст, щетину на лице и ярко выраженные половые признаки, так и не стал мужчиной. Мужчиной, который способен заботиться и оберегать свою женщину, который не позволил бы себе не провести любимую женщину и уж тем более не допустил бы, чтобы в полночь она сорок минут стояла на остановке. Согревая дыханием озябшие ладони, я спрашивала себя: «Как он может спокойно лежать на диване, когда я стою на морозе? Как это вообще возможно, тем более после таких страстных объятий и клятв в любви? Почему он так со мной поступает?» Но ни разу я не спросила себя: «Почему позволяю так с собой поступать?» Не спросила, потому что заранее знала ответ – знала с того самого момента, когда в самый первый раз простила его предательство. Я боялась потерять любовь. Я была привязана к нему физически и эмоционально, и таких «мелочей» старалась не замечать. Я искренне надеялась, что под моим чутким руководством он вскоре изменится и возмужает, что я смогу его улучшить, исправить, наставить на путь истинный. Я вновь повторяла ту же ошибку, что и с Артуром. Любовь не хирургический скальпель и не волшебная пилюля, способная исправить другого человека. Только он сам своим усилием может что-то в себе изменить, если, конечно, захочет это сделать.

Наступил март. Ранняя весна напористо теснила зиму, под старым серым снегом ручьи пробивали себе дорогу, а на пригорках появились первые жёлтые головки мать-и-мачехи. При-

⁷ «Наши люди в булочную на такси не ездят» – знаменитая фраза из кинофильма «Бриллиантовая рука» (реж. Леонид Гайдай, СССР, 1968).

рода просыпалась, а вместе с ней набирала соки наша любовь. На 8 марта Алексей принёс мне большой букет бордовых роз и пригласил в Этнографический музей. Это был уникальный исторический комплекс под открытым небом, запечатлевший культуру различных регионов Украины семнадцатого – девятнадцатого веков. В старинных домах, покрытых соломой и мхом, в мельчайших деталях был воссоздан быт наших далёких предков. Мы словно перенеслись в те времена и стали свидетелями событий прошлого. Неожиданно я поймала себя на мысли о том, как хорошо жить в двадцатом веке, когда есть электрический свет, вода в кране, хлеб и молоко в магазине, современная медицина и образование. Наверное, для людей того времени обустройство их жизни тоже казалось достижением цивилизации, и, возможно, они гордились появлением косы вместо традиционного серпа, строительством первых металлургических заводов, мануфактур и верфей точно так же, как мы гордимся полётом Юрия Гагарина в космос.

За четыре часа осмотра мы сильно устали. Вода противно хлюпала в моих лёгких весенних ботинках, тонкое пальто совсем не спасало от пронизывающего ветра, и без шапки за городом оказалось как-то неуютно. Очень хотелось есть и где-нибудь согреться. Неожиданно в одном из домов я увидела открытый чердак. Тайком от охранника по хлипкой деревянной лестнице мы забрались наверх. От печной трубы исходило приятное тепло, пахло слежавшимся сеном, мышами и старой пылью. Осмотревшись, мы решили передохнуть. Поставив мокрые ботинки вдоль горячей трубы, закопались в сено и через несколько минут уже не слышали ни стука капли, ни громкого чириканья воробьёв под соломенной крышей, ни того, как закрывались ставни в музейных домах. Откуда-то издалека сквозь сон до меня вдруг донёсся противный скрежет ворот, как будто кто-то специально медленно тянул ржавый засов. Глаза открывались с трудом. Вечерело. Солнце спускалось за лес, уступая место молодому месяцу и ночной прохладе. Я посмотрела на беззаботно спавшего Алексея и, взяв сухую травинку, осторожно провела по его щеке. Сморщившись, он первым делом решил возмутиться, но не успел. Прикрыв пальцем губы, я прошептала: «Тихо! Не шуми. Надо срочно уходить». Не понимая, где он и что происходит, Алексей наспех надел ботинки и на коленках пополз за мной к лестнице. На крыльце пожилой охранник с казачьими усами никак не мог закрыть перекошенную от влаги дверь и, ругаясь, стучал по ней кирзовым сапогом. Услышав шорох на чердаке в абсолютно пустом доме, он замер, а когда в следующее мгновение мы с хохотом пронеслись к калитке, с грохотом выронил связку ключей. Опомившись, он пронзительно засвистел, отправил вдогонку что-то явно неласковое, но мы уже были далеко. Держась за руки, вдыхая свежий ветер и запах весны, мы неслись навстречу жизни, а также последнему на сегодня автобусу в город, который должен был с минуты на минуту пройти по шоссе.

После непоступления я так злилась на институт, что целых восемь месяцев к учебникам даже не притрагивалась. Навёрстывать упущенное начала в феврале, взяв интенсивный курс у репетитора по математике. Занятия проходили дважды в неделю на другом конце города, но каждый раз Алексей ждал меня на скамейке у подъезда с розой в руках, по цвету которой я даже научилась угадывать его настроение и наши планы на вечер. Больше всего мне нравилось, когда он приносил розовые, белые или нежно-коралловые, предвещавшие вкусный ужин и романтический вечер.

В ЛККЗ парня с розой уже тоже знали, и меня нередко отпускали минут на двадцать раньше. Мы отправлялись в любимый ботанический сад, который располагался на высоких холмах всего в нескольких троллейбусных остановках от моей лаборатории. Обнесённый по периметру старым ржавым забором, сад занимал площадь сто тридцать гектаров, был разбит на несколько географических зон с соответствующей каждой растительностью: «Дальний Восток», «Алтай» и «Западная Сибирь», «Кавказ», «Крым», «Украинские Карпаты». Больше всего я любила хвойные леса, особенно сосны. Мы садились на скамейку, и я, положив голову на колени Алексея, могла бесконечно долго смотреть сквозь пушистые ветки в бездонную

синюю высь, растирая в зубах ароматную хвоинку. Сосновая страсть жила во мне, казалось, с самого рождения, словно в прошлой жизни я была если не сосновиком-лесовиком, то уж лесничим точно. В детстве мы с мамой нередко выбирались за грибами, преимущественно маслятами, которые, как и я, любили светлые сосновые леса на песчаных почвах вдоль Днепра. Собирать грибы я никогда не умела, точнее, не различала их маленьких коричневых шляпок на фоне опавшей хвои, но от смолянистого запаха соснового леса каждый раз словно пьянела. Увидев на стволе прозрачную смолу, я тут же опускала в неё пальцы, после чего размазывала по рукам до локтей. Она склеивала мои ладошки, скатывалась шариками, выдёргивала волоски на коже, но главное – она пахла. Даже годы спустя этот терпкий, с нотками свежести и чистоты запах отзывался во мне звенящей радостью детства, мысленно возвращая в сосновый лес с шуршащими чешуйками янтарной коры на бесконечных стволах, подпирающих тёмно-зелёной кроной синее небо. В отличие от сосен, с елями я никогда не дружила. Старые тёмные ельники ассоциировались у меня исключительно с Бабой Ягой и всякой сказочной нечистью, обитающей на гиблых болотах, в мрачных еловых лесах с поваленными буреломом стволами. Даже в ботаническом саду еловые посадки я старалась обходить стороной, приближаясь к ним только затем, чтобы спрятаться под разлапистыми ветками, свисающими до самой земли, зная, что Алексей непременно найдёт и поцелует. После каждой такой прогулки я приносила домой несколько новых шишек, которыми были заставлены сервант в моей комнате и длинный подоконник на веранде. Больше всего я радовалась толстым кедровым, с семенами внутри и липкой смолой у основания. Весной на клумбах ботанического сада первыми в городе вспыхивали тюльпаны, следом за которыми аллеи погружались в дурмящий сиреневый туман. Способность тонко чувствовать ароматы передалась мне от тата, который ещё мальчишкой, возвращаясь из школы за несколько километров от села, мог по запаху отличить, в каком дворе что готовили на обед. По просьбе тата мама никогда не пользовалась косметикой и духами, а о том, что далеко в посадках зацвели акация или липа, он узнавал раньше пчёл.

Приближались майские праздники, а с ними – длинные выходные. Последняя неделя выдалась довольно жаркой, но до настоящего летнего тепла было ещё далеко. Мы с Алексеем решили на несколько дней сходить в поход. Как всегда после занятий, он ждал меня на скамейке у дома репетитора, но на этот раз вместо розы у него был огромный рюкзак с привязанным сверху спальником и казанком снизу. Как говорил Алексей, в походах он бывал не раз, какие вещи требуются, знал лучше меня, поэтому всю подготовку взял на себя. В моей же сумочке лежали тетрадка, ручка и расчёска с косметичкой.

Пригородная электричка отправлялась с минуты на минуту. Пробившись сквозь плотную стену увешанных рюкзаками дачников, мы оказались в числе первых в стремительно заполняющемся вагоне. Заняв свободное место у окна, мы тут же открыли форточку, но от вязкой духоты внутри металлической жаровни это не спасало. Когда поезд набрал скорость, стало немного прохладней, и мы задремали.

Через несколько часов, растолкав сидящих на вёдрах и рюкзаках прямо в проходе разморенных пассажиров, мы сошли на какой-то безлюдной станции и по слабозаметной тропе направились в сторону деревни. Учувя чужаков, собаки устроили хоровое пение, а высунутые из перекошенных калиток головы старушек разглядывали нас, словно инопланетян. С десятков подтопленных паводком изб островками чернели из воды, и казалось, что прямо сейчас на лодке появится старый Мазай⁸ – спасти своих зайцев.

Единственная улица вскоре вывела нас в поле, за которым темнел лес. Издали он казался неприветливо-неприступным, но Алексей, уже бывавший в этих местах с отцом, неплохо ориентировался. Нам предстояло пробраться в самую глушь – именно там, окружённая глубоким ровом и тяжёлым ельником, скрывалась лесная поляна, на которой в давние времена располага-

⁸ Персонаж стихотворения Н. А. Некрасова Дедушка Мазай и зайцы» (1870).

лось языческое капище. Самого капища, как и язычников в округе, уже давно не было, но деревянный идол всё ещё стоял, и как раз его Алексей собирался мне показать. К тому же именно в таких таинственных местах энергетическое поле земли проявляется намного сильнее, и даже поговаривали о якобы существующих на месте древних капищ порталах в иные миры. Так это или нет, мы не знали, но непременно хотели проверить. Всё эзотерическое, в том числе магическое и паранормальное, нас с Алексеем, как и многих молодых людей того времени, невероятно увлекало, позволяя заполнить глубокую душевную пустоту от разлетающейся на осколки действительности. Привычный мир рушился, могучая когда-то советская страна сотрясалась, и, стремясь укрыться от пугающей неизвестности, мы уходили в придуманную реальность, в которой посох волшебника и зелье колдуна могли то, на что уже было не способно правительство: обеспечить чувство защищённости.

В лесу оказалось сыро и прохладно. Тропинок никаких не наблюдалось, поэтому пришлось пробираться через поваленные деревья, по самые щиколотки проваливаясь в тягучую жижу. Спустившись в низину, мы неожиданно упёрлись в разлившийся ручей, который в другое время можно было перешагнуть, не заметив, но в период паводка стремительно мчащаяся под уклоном мутная вода перекатывала даже камни. Промеряя глубину и прощупывая палкой дно, Алексей перенёс на другой берег вещи и вернулся за мной. С лёгкостью подхватив меня на руки, он осторожно шагнул в воду, но тут же едва не упал. Пришлось поворачивать обратно. И хотя уровень воды не доходил до колен, удержаться на илистом дне в стремительном ледяном потоке с пятьюдесятью килограммами на руках оказалось непросто. Пересадив меня на спину, он взял палку и, перераспределяя центр тяжести, согнувшись, медленно перебрался. Спрыгнув на землю, я радостно хлопала в ладоши и удовлетворённо поцеловала своего мужчину. Выбрав площадку посуше, мы решили разбить лагерь. Сырые ветки и шишки гореть не хотели, кора едко дымилась, и каждый раз огонь словно захлёбывался. В лесу темнеет быстро. В какой-то момент мне даже показалось, что ещё чуть-чуть – и нас проглотят липкие сумерки. Истратив почти весь коробок спичек, Алексей наконец раздул костёр. Отжав мокрые брюки и кроссовки, он повесил их на длинные палки под углом к огню, и мы принялись готовить ужин. Неожиданно выяснилось, что собирать на стол особо нечего – провиант был рассчитан только на одного. Тушёнки в жестяной банке хватило ровно на два бутерброда, четыре сырые картофелины и десяток кислых яблок мы честно разделили между ужином и завтраком, а с неуёмным голодом пришлось договариваться за казанком чая с чабрецом и мятой, заваренного на глинистой воде из знакомого уже ручья.

После еды стало немного веселее, однако по-прежнему донимала сырость, особенно полураздетого Алексея, мокрые вещи которого безнадёжно коптились над костром. Стемнело. Языки пламени недобро прыгали на фоне ночного леса, а обострившийся слух улавливал малейший треск и шорох. Разговаривать ни о чём особо не хотелось, и, подбросив в костёр толстое бревно, мы забрались в палатку. Втиснуться вдвоём в одинарный спальник у нас не получилось, спать поочерёдно тоже не хотелось, к тому же мне было страшно оставаться одной возле костра. Выбравшись наружу, Алексей настрогал еловых лап и сделал в палатке настил. Прижавшись спинами, мы укрылись спальником и попытались уснуть. Жёсткие ветки давили рёбра, ледяной холод от земли вытягивал из тела последние капли тепла, а спальник куда-то постоянно уползал. Промучившись час, я вылезла из палатки. Глаза слипались, тело тряслось от холода, крохи еды давно рассосались, и живот напомнил о себе неприятными резами. От собственной глупости хотелось выть. Присев на корточки, я протянула к костру дрожащие руки. Толстое бревно всё ещё бодро горело, выбрасывая в тёмное небо снопы живых искр. Этой страшной ночью огонь оставался моим единственным спасением. Подставив тепло промёрзшую спину, я с наслаждением закрыла глаза. В следующее мгновение нос уловил запах тлеющей ткани, и, вскрикнув от страха, я тут же упала спиной на мокрую хвою. Убедившись, что всё в порядке, села на корягу и безучастно устала на огонь. Тепло медленно расходилось по

телу, наполняя глаза слезами жалости к себе. Сколько я так просидела – не знаю. Неожиданно порыв ветра стремительно пронёсся по верхушкам, крона зашелестела, где-то совсем рядом закрипел старый ствол и, вторя ему, громко прокричала птица. Словно очнувшись, я вытерла слёзы и, подбросив дров, принялась обдумывать ситуацию. Знакомиться с идолом расхотелось, ни о каком длительном походе речи уже быть не могло. «Дотянуть бы до утра, а там – сразу домой», – глубоко вздохнув, подумала я. Но вот где этот самый дом и где мы вообще находились, я абсолютно не понимала. Доверившись Алексею, я утратила контроль над ситуацией. Очень-очень хотелось верить, что он знает, как нам отсюда выбраться, потому что я в лесу абсолютно не ориентировалась. Отбивая атаки тревожных мыслей, я залезла на вывернутое с корнем дерево, легла на живот и, упёршись ступнями в землю, обхватила его толстый ствол руками. Постепенно я задремала. Сквозь сон слышала, как из палатки выбрался Алексей и, сходя по своим делам за дерево, примостился за мной.

Открыв утром глаза, я поняла, что не могу обнаружить ни одну из своих конечностей. Я не понимала, где мои руки и ноги и как ими управлять. Живот и грудь «впечатались» в ствол, мышцы шеи свело, а растянутая промежность нестерпимо болела. Сзади, прижавшись щекой к моей спине, в такой же позе спал Алексей, а на вершине этого слоёного пирога возлежал украшенный шишками и обильно присыпанный хвоей спальник. Я попыталась подняться. Ноги дрогнули, и, вскрикнув от боли, я упала на землю. Миллионы тонких иголок пронзали моё онемевшее тело. Алексей бросился на помощь, но его застывшие без кроссовок ступни тоже не повиновались. Разминаясь, мы громко хохотали, изображая ритмично болтающиеся руки скелетов из клипов Майкла Джексона.

Две сморщенные картофелины и кислые яблоки с чаем аппетит только усилили, и, посмотрев в мои голодные глаза, Алексей вдруг сказал, что пойдёт на охоту. Он достал маленький складной нож, вытащил из земли палку, на которой сушились его брюки, и заточил её в виде копья. Сперва я подумала, что он шутит, но потом резко испугалась. Мысль о том, что я могу остаться одна посреди дикого леса, где на километры нет ни одной живой души, электрическим разрядом ударила в голову, пронеслась вдоль позвоночника и через ноги заземлилась, заземлив заодно и меня. С ночи я уже злилась на весь этот поход, на свою доверчивость, на детскую беспомощность своего мужчины, но выяснять отношения посреди леса и на голодный желудок было бессмысленно и к тому же опасно – с самого утра Алексей выглядел каким-то неестественно оживлённым. Осторожно подбирая слова, я предложила свернуть наш лагерь и выдвинуться в сторону деревни, аргументируя тем, что в следующий раз он непременно добудет для меня и курицу, и рыбу, и даже дикую утку с зайцем. Его глаза недобро блеснули, он тут же попытался настоять на продолжении похода. К счастью, голод и холод перевесили его намерение поиграть в первобытного охотника, к тому же кроссовки были всё ещё мокрые, а лапти из коры и веток, которые он привязал шнурками к ногам, оказались не очень практичными и развалились через несколько шагов.

По компасу мы вышли к ручью, но где-то совсем в другом месте. Русло здесь было не шире полутора метров, и мы решили попробовать его перепрыгнуть. Алексей поочередно перебросил наши вещи и, разогнавшись, с силой полетел вперёд. Мягко, по-кошачьи, он ловко приземлился на землю, резко сбалансировав руками. «Как пантера!» – изумилась я, хотя и раньше наблюдала у него повадки этого грациозного хищника семейства кошачьих: такой же пристальный взгляд чёрных глаз, плавные движения и способность появляться из ниоткуда. Мне предстояло проделать то же самое. Прыгать в длину я не умела. В школе на уроках физкультуры я никак не могла правильно выставить шаг и вовремя совершить толчок от планки, поэтому, когда мои ноги устремлялись вперед, попа всё ещё болталась сзади, так и норовя приземлиться на полпути к цели. Только сейчас вместо ямы с песком подо мной был ледяной ручей, перспектива искупаться в котором абсолютно не радовала. Отойдя на пару метров назад, я с испугом посмотрела на воду, но, получив одобрение Алексея, помчалась вперёд. Всё

закончилось бы как всегда, если бы он каким-то чудом не поймал мою руку, выписывающую странный кульбит в прыжке. С силой дёрнув меня к себе, он не удержался на скользкой глине, и мы с криком упали на землю. Кроме царапины на моей ладони, никаких других повреждений не было, и, отмывшись от грязи, мы двинулись дальше. После переправы настроение улучшилось, а показавшаяся вдали деревня придала мне смелости.

– И как ты собирался охотиться? – поинтересовалась я игриво.

– Добрался бы до деревни и поймал там курицу, – серьёзно ответил он.

– А дальше что с ней делать? Как бы ты её убил? – удивилась я.

– Ударил бы головой о землю, затем выпотрошил, обмазал толстым слоем глины и закопал в угли под костром, – произнёс он настолько невозмутимо, словно проделывал это сто раз в жизни. Я была просто уверена в том, что подобного опыта у него не было, даже если и видел эту самую курицу не только по телевизору, но и прогуливающейся по двору. Чтобы лишить живое существо жизни, даже ради еды, его надо уважать, в противном случае это окажется обычным убийством. Я вспомнила, как рассказывал тато, что прежде, чем заколоть свинью в селе, он мысленно благодарил её; видела, как бабушка Галя, перед тем как нарезать курицу, успокаивала её, поглаживая по спине и бокам, а сам удар наносила максимально точно, чтобы не вызвать агонии и мучений. Для подобного отношения к животному надо иметь внутреннюю зрелость, и число прожитых человеком лет в данном случае не имеет никакого значения.

– А как же перья? – не унималась я.

– Через пять-шесть часов курица приготовится, перья впекутся в глину и снимутся вместе с ней, – уверенно ответил Алексей.

– Наверное, если голоден, то можно и так, – сказала я, мысленно похвалив своего мужчину.

В полдень я уже была дома. Поинтересовавшись, как прошёл мой поход, тётя Женя ушла в гости к приятельнице, а я побежала к холодильнику в поисках еды. Питаться обособленно мы договорились изначально, поэтому я готовила самостоятельно. Иногда тётя Женя угощала меня горячими чебуреками или сладкими сырниками со сметаной, и в моей полуголодной жизни это становилось настоящим праздником. Зарабатывала я достаточно, к тому же помогали родители, но оставшиеся после оплаты репетитора деньги предпочитала тратить на дорогую одежду и красивые вещи, оставляя на продукты крохи. Выделенный мне персональный холодильник на веранде был всегда пустым, и постепенно тётя Женя заполнила его своими лотками и банками. Экономя на продуктах, я обманывала себя, утверждая, что слежу за фигурой, но на самом деле не имела ни малейшего представления о культуре питания. Устоять перед шоколадкой или банкой сгущёнки не могла никогда, зато супы, каши, мясо, творог и другие важные для организма продукты игнорировала. По пути с работы я заходила в ближайший к дому магазин и, купив варёную колбасу, хлеб, сыр, пакет кефира и непременно халву с конфетами, обеспечивала себе завтрак и ужин на несколько дней. В ЛККЗ столовой тоже не было, поэтому даже в обед приходилось обходиться бутербродом и бананом с кефиром. В присутствии посторонних я делала вид, что ем словно птичка, но стоило тёте Жене поставить передо мной кастрюлю беляшей и уйти в соседнюю комнату – треть горки мгновенно «испарялась». Из-за плохого питания у меня возникали болезненные рези в животе, и чем дальше, тем они становились настойчивей, да и состояние волос и ногтей кричало об этом же, но все сигналы организма я просто игнорировала. Я жила взрослой жизнью и была уверена в том, что лучше знаю, что для меня хорошо.

Заглянув в свой холодильник, я обнаружила лишь старый кефир, лук, картофель, морковь и растительное масло. Разболевшийся как никогда живот требовал немедленно еду, и я побежала на кухню. Прямо на плите стояла огромная кастрюля и нестерпимо пахла. Я открыла крышку. Аромат свежего борща вызвал сильный спазм – я не устояла. Зачерпнув половником овощей, я заметила, что уровень борща в кастрюле понизился.

Позволить тётё Жене заподозрить меня в поедании её борща я не могла, поэтому, пересилив себя, вылила всё обратно, оставив на тарелке лишь маленький кусочек мяса. Через секунду второй, а за ним и третий кусочки отправились утешать мой не на шутку разбушевавшийся живот. Пересилив себя, я остановилась и, убрав все улики, пошла в душ – смывать походную грязь. Вскоре вернулась тётя Женья и предложила вместе с ней пообедать. Конечно же, я очень хотела есть, но, совладав с собой, зачем-то ответила своей стандартной колкой фразой «Спасибо. Я не голодна» и закрылась в своей комнате.

Закончив хлопотать на кухне, тётя Женья постучала в мою дверь:

– Игорь случайно не заходил, пока меня не было? – поинтересовалась она.

– Нет, а что? – предчувствуя разоблачение, нарочито безразлично спросила я.

– Да вот что-то странное, – ответила она, – я положила в борщ несколько кусочков мяса, а когда ела, не нашла ни одного, и подумала: может, Игорь заходил на обед.

Стараясь спрятать нахлынувшее смущение, я отвела глаза. Руки теребили халат, лицо и шея предательски пылали огнём, навернулись слёзы. Сделав вид, что меня всё это не касается, я отвернулась и продолжила сушить вентилятором завитые на бигуди волосы. Мне было стыдно, невероятно стыдно, но признаться я не решилась.

Слухи среди родственников расползаются быстро. О таинственной истории с исчезновением мяса вскоре знали и Игорь с Таней, и Аза Степановна с мужем, и, конечно, Алексей. О том, кто это сделал, все догадывались, но мне ничего не сказали, да и зачем, когда в их глазах я теперь была и воровкой, и лгуньей одновременно.

Приближались вступительные экзамены. Я использовала ещё один шанс, но на этот раз не взяла даже планку прошлого года: твёрдые двенадцать баллов по трём предметам. Оказавшись второй раз в схожей ситуации, я реагировала на неё совсем иначе. Теперь у меня были Алексей, жильё, хорошая работа, и самое главное, надо мной не висел ужас неизбежности возвращения домой: тётя Женья разрешила пожить у неё ещё один год. Чем была вызвана такая забота, я не знаю, но отношения Игоря и Танечки двигались в сторону свадьбы, родство двух семейств становилось неизбежным, а я всё же была девушкой члена семьи с той стороны.

Я продолжала работать в ЛККЗ, не теряя надежды получить высшее образование. С каждым годом школьные знания ослабевали, вероятность поступления в институт уменьшалась, но чем дальше, тем отчётливей я понимала, что экономика – не моё призвание. За школьные годы и занятия с репетитором я вобрала в себя столько математики, что от задач и уравнений меня уже подташнивало, и связывать свою жизнь с цифрами я больше не хотела. Во мне всё ещё болело покалеченное машиной красного кирпича самолюбие, но теперь я всё чаще опиралась на собственное мнение и прислушивалась к своим желаниям. Елена Григорьевна рекомендовала мне для начала окончить техникум, после которого шансы попасть в институт были намного выше, и даже предложила помочь поступить в геологический, но я отказалась. Я больше не стремилась поступить куда-нибудь и получить какую угодно специальность. Впервые в жизни я захотела понять себя.

Летом я взяла свой первый отпуск, и мы с Алексеем отправились на несколько дней отдохнуть в палатке на берегу Днепра. В то время Днепр являлся важнейшей транспортной артерией Украины, соединяющей север и юг страны, и сотни кораблей ежедневно отплывали и причаливали к его берегам, преодолевая тысячи километров пути и каскад плотин, объединённых в единую гидросеть Украины. Первой и самой знаменитой гидроэлектростанцией (ГЭС) на Днепре стала Днепровская гидроэлектростанция имени В. И. Ленина (Днепрогэс) – главный объект Государственного плана электрификации страны, построенный в годы первой советской пятилетки. Каневская ГЭС являлась второй после Киевской ступенью каскада и была запущена через год после моего рождения, так что мы с ней являлись почти ровесницами. Во время строительства плотины было затоплено множество плодородных земель вдоль Днепра, население переселено на другие земли, а Каневское водохранилище стало одним из шести

крупнейших на Днепре. Шлюз выравнивал разницу уровней воды в водохранилище и нижней части реки, круглосуточно пропуская вереницу гружённых песком, лесом и даже арбузами барж, в сторону Тарасовой горы проходили многопалубные белоснежные лайнеры с туристами, а между городами бегали пассажирские «Метеоры» и «Ракеты».

Путешествие с освежающими брызгами на открытой палубе «Метеора» вдоль живописных берегов Днепра наполнило сердце предчувствием чего-то романтического и прекрасного. Через четыре часа мы сошли на маленькой левобережной речной станции недалеко от Канева. С крутого песчаного склона открывался дивный вид на простор широкой равнинной реки, спокойно переносившей свои воды с севера на юг Украины с незапамятных времён. Я любила Днепр. Любила так сильно, как может любить человек, родившийся на его берегах и с первых дней впитавший его спокойный и сильный характер. Он являлся для меня такой же неотъемлемой частью жизни, как солнце, дождь и древние холмы вдоль его берегов. Он был на этой земле до меня, был со мной и останется после. Моя жизнь – всего лишь миг в его сине-седой биографии.

Среди светлых сосен крутого песчаного берега Алексей установил палатку и развёл костёр, а я тем временем нарвала для чая листьев земляники, малины и ароматных веточек чабреца. Россыпью атели бусинки земляники, а на колючих кустах висела тёмно-красная дикая малина. Закончив с обустройством лагеря, Алексей повесил на толстую ветку над огнём казанок с водой и решил отправиться на рыбалку. Привязав крючок к леске, он при помощи основной ветки соорудил что-то наподобие удочки, под ближайшим кустом складным ножиком выкопал в песке ямку и начал высматривать червей. Похоже, что стать ужином для рыбы в планы червей не входило (во всяком случае, не в этот раз). Провозившись часа два, Алексей вытащил половину случайного скитальца, да и то такого тощего, что пришлось выбросить. Не отчаиваясь, он прицепил на крючок мякиш хлеба и забросил удочку в воду. Сверкающее в закатных лучах зеркало реки дышало покоем. Умиротворённая рыба становится нашим ужином тоже не хотела (во всяком случае, не в этот раз). Порой мне казалось, что первобытный дух охотника периодически просыпается в Алексее, побуждая совершать городского домашнего мальчика странные поступки. Конечно, он очень стремился поймать эту рыбу, и не столько для ухи, столько для того, чтобы в моих глазах выглядеть настоящим мужчиной, и я тоже этого хотела, но ещё и потому, что нуждалась в подтверждении правильности своего выбора.

В закатных сумерках активизировались дремавшие в жару комары. Пискляво жужжащие чёрные полчища роились над нами, беспощадно жаля сквозь брюки и рубашку. Они забирались в волосы, лезли в уши и в нос, а я даже умудрилась прожевать парочку. Ночью в лесу оказалось раздражительно, и даже элементарный поход к ближайшим кустам в туалет превращался для моей оголённой попы в настоящую пытку. В попытке защититься от назойливых кровососущих мы бросили в костёр несколько веток с сырой хвоей, надеясь укрыться в дымовой завесе, но вскоре у меня начались рези в глазах и полились слёзы. Прокоптев, словно днепровские лещи, мы не выдержали и забрались в палатку, но даже там нас преследовал высокочастотный писк, а двукрылые твари так и норовили добраться до моих рук и лица. Как мы ни старались укрыться – было уже не до романтики: оказавшиеся под днищем палатки шишки постоянно вдавливались в спину и бока, а от земли тянуло холодом даже через сложенный вдвое спальник.

На следующий день рыба опять не захотела идти на контакт. Подбодрив Алексея, а заодно и себя тем, что это просто не рыбное место, я решила искупаться. Раскалённым диском в зените застыло августовское солнце, и казалось, что всё живое погрузилось в полуденный сон. Оглядевшись вокруг, я сняла купальник и нагишом побежала в воду. Песок кусал пятки, и, едва добравшись до живительной прохлады, я тут же нырнула. Проплыв немного под водой, почувствовала резкий перепад температуры. Холод сковывал тело. Течение усилилось. Чем это грозит, я хорошо знала. «Ну вот!» – только и подумала я и, не теряя драгоценных секунд, начала плавно вырывать по направлению течения в сторону берега. Страх не было, лишь голос

внутри повторял: «Вперёд!» Стараясь дышать, как научил меня тато, я синхронно работала руками и ногами, разрезая ладонями толщу воды. В какой-то момент поняла, что не чувствую ног. Предположив, что это судорога и надо срочно лечь на спину, я не могла решиться потерять из виду жёлтую спасительную полосу. Волевым усилием я перевернулась. Взгляд тут же провалился в бездонное небо без единого облачка, за которое можно было хотя бы мысленно ухватиться. Голова лежала на воде, тело немного расслабилось, руки гребли в направлении берега, вот только где он – оставалось догадываться. Вскоре вода вновь потеплела, и, нащупав дно, я остановилась. Купальник и Алексей всё так же беззаботно загорали на берегу, но теперь уже метрах в тридцати от меня, а спокойная ещё несколько минут река клокотала бушующими водоворотами. Похоже, заработал шлюз на ГЭС. В детстве я часто наблюдала, как меняются скорость и характер течения реки, когда включались турбины и большой массив воды подавался или спускался из шлюзовой камеры. В такие моменты взрослые старались загнать ребятшек на берег, да и сами не особо стремились устраивать заплывы на глубину. Убедившись, что водовороты далеко, я вновь легла на спину, расслабила напряжённые плечи и, закрыв глаза, мерно покачивалась на шелестящих волнах.

К вечеру запасы еды закончились, на пустой крючок «глупая» рыба не ловилась, и, кое-как скоротав ночь на чае и ягодах, рано утром мы сели на «Ракету» и отправились в Канев, ко мне домой – за едой и медикаментами. После двух бурных ночёвок на земле я сильно простыла, а может, подхватила какую-то инфекцию от цветущей воды. Позывы писать участились, причиняя острую боль.

Родители были на работе, и, достав из аптечки горку медикаментов, мы с Алексеем принялись их изучать. В детстве меня лечили преимущественно народными средствами, согревая, растирая и отпаивая травами, поэтому, кроме цитрамона, ничем другим я не пользовалась, а если и приходилось что-то принимать, то лишь то, что давала мама. На одной из упаковок с названием «Цистон» я увидела слово, похожее на «урологический». По смыслу немного подходило, но что за странные тёмные таблетки у меня на ладони, я не понимала. Резкая боль внизу живота заставила всё это проглотить даже без воды, усилив по совету Алексея двумя таблетками антибиотика. Не знаю, что из этого помогло, но часа через два стало немного легче. Остаться на ночь и знакомиться с моими родителями Алексей не захотел, даже несмотря на то, что в моём состоянии отходить далеко от унитаза было всё ещё проблематично. Возможно, ему было неловко из-за того, что я простыла, а может, просто не был готов принять на себя роль моего парня в глазах родителей. Отыскав в очередной раз для себя оправдание его поступку, я вновь уступила, пожертвовав на этот раз уже своим здоровьем. Мы пообедали маминым жарким с мясом, я открыла трёхлитровую банку домашнего томатного сока, который у родителей получался невероятно вкусным, и, собрав бутерброды в дорогу, мы извинились в записке за съеденную еду и поспешили на последнюю «Ракету» в Киев.

Осень пролетела бы незаметно, если бы не одно обстоятельство: неожиданно Алексей исчез. Без предупреждения, без какой-либо весточки он словно растворился или перенёсся в параллельный мир. Несколько раз я спрашивала у Игоря, но он тоже ничего не знал. Я сильно беспокоилась. Прождав в неведенье неделю, я не выдержала и вечером после работы поехала к Азе Степановне в Дом творчества юных, где она руководила детским кружком.

– Алексей сейчас в Одессе, – понимая пикантность ситуации, вкрадчиво сказала она.

– Как в Одессе? В какой Одессе? – обескураженно переспросила я.

– Два дня назад он позвонил мне и сказал, что находится в Одессе на Дерибасовской. Попросил выслать деньги на обратный билет. Но ты не волнуйся, он скоро приедет, – похлопав меня по руке, утешила она.

От этого известия легче не стало. Ясно было одно: ничего плохого с ним не произошло, и он скоро приедет.

Через день, как ни в чём не бывало, Алексей с розой в руке появился на пороге ЛККЗ. С трудом досидев до конца рабочего дня, я быстро оделась и, не говоря ни слова, вышла на улицу. В ответ на прямой вопрос он лишь пожал плечами и посмотрел на меня своими бархатными глазами. Объяснить, зачем поехал в Одессу, он никак не мог, как не мог и вспомнить, каким образом обнаружил себя на Дерибасовской улице, словно вместо него был мешок с песком, который кто-то взял и погрузил сперва в поезд, а затем выбросил посередине улицы. Но больше всего поразило, что о своих планах он никому ничего не сказал. Произошедшее показалось мне настолько нелепым, что никаким образом не вписывалось в моё понимание допустимого, и, не найдя разумного объяснения, я постаралась обо всём поскорее забыть. Зажмуриив глаза, решила, что, если я не вижу проблему, значит, и она меня тоже, а следовательно, её не существует.

Приближался 1991 год. Новогодние праздники тётя Женя решила встречать у родственников, Игорь с Таней уединились в квартире на Сырце, а мы с Алексеем остались в доме. Это была наша первая годовщина, и хотелось побыть наедине. Я вдруг поняла, как сильно к нему привязалась. Это было какое-то наваждение: я просто не могла без него жить. Незримым магнитом нас тянуло друг к другу, словно наши души и тела кто-то смазал клеем и мы оказались сцеплены навеки. Нас объединяли схожий взгляд на мир, общие интересы и, конечно же, хороший секс. Моя зависимость от Алексея разрослась настолько, что, ослепив разум и поработив тело, угрожала стать фатальной. Я жила только им и готова была на всё, лишь бы он был со мной. Он по-прежнему нигде не работал и не собирался. Мама каждый день приносила сыночку кастрюльки с супом и кашкой, отец привозил с огорода овощи и фрукты, а сестра нередко давала брату деньги. Я понимала, что Алексей не принц из моих детских грёз, но он стал для меня чем-то незаменимым. Я пребывала словно в дурмане, в каком-то липком тумане, который обволакивал моё сердце, мой разум и мою волю. Ничего странного в наших отношениях я не замечала, а на все попытки тётя Жени и родителей меня образумить реагировала, словно разъярённая волчица, отстаивающая свою территорию и право собственного выбора.

В феврале у меня задержались месячные. Обеспокоенная, я поехала на работу к Азе Степановне в надежде на поддержку. Я сильно переживала и хотела хотя бы с кем-нибудь об этом поговорить, хотя доверительно-откровенных разговоров у нас с ней никогда не было. Алексей по-прежнему делился с мамой подробностями наших интимных отношений, о моих чувствах к её сыну она знала и, как взрослая женщина, понимала, что у молодых людей рано или поздно нечто подобное случается. К тому же тётя Женя как-то рассказывала, что у Азы Степановны якобы есть какие-то экстрасенсорные способности, передавшиеся ей от бабки по цыганской линии, но я в это никогда не вникала, хотя в данной ситуации очень хотела, чтобы это было именно так. Никаких других признаков у меня не было, но я понимала, что возникшую проблему надо как-то решать, причём срочно. Выслушав меня, Аза Степановна перекрестилась и со словами «Господи, прости!» положила руку на мой живот. Через несколько минут тепло сконцентрировалось в низу живота и волной разлилось по моему телу. Утром пошли месячные. Вероятнее всего, произошедшее оказалось обычным совпадением, но тема экстрасенсорики была тогда на пике популярности, каждый второй рассказывал о своих необычных способностях, а другая половина населения хвасталась «чудесным излечением» хромых, кривых и даже онкобольных, а ещё – превращением алкоголиков в трезвенников, гуляющих мужей в верных, а сварливых жён в ласковых и нежных. По вечерам улицы городов пустели и население СССР, уставившись в телевизор, погружалось в сверхъестественные «установки на исцеление» Анатолия Кашпировского, следило за магическими пассами рук Аллана Чумака и пило «заряженную» им через экран воду. Центральное телевидение страны транслировало таинственные сеансы экстрасенсов, способствуя массовой истерии среди населения, привыкшего безоговорочно верить всему тому, что говорили средства массовой информации. Большинство действительно верили – верили по-настоящему, как только могут верить изголодавшиеся по

альтернативной информации люди, десятилетия удерживаемые за железным занавесом в ежовых рукавицах советской пропаганды и неожиданно узнавшие, что существует другая реальность. Тысячными тиражами расходились газеты с фотографиями инопланетян и летающих тарелок, печатались интервью с «украденными» для опытов землянами и чудесным образом возвращёнными в добром здравии обратно. На телеэкранах бились в конвульсиях «заколдованные» экстрасенсами люди, без обезболивания «проводились» сложные хирургические операции, «излечивались» неизлечимые болезни. Внезапно проросшие группы обезумевших религиозных фанатиков в оранжевых и белых одеждах пели свои мантры в подземных переходах, бойко по ходу торгуя сопутствующей литературой, а возле кафе гроздьями висли хиппи и бичи. Сообщения о бандитских разборках и нападениях рэкетиров на предпринимателей дополняли эту новую реальность, так непохожую на ту взрослую жизнь, которую я видела в детстве и к которой когда-то стремилась. Я не понимала и не принимала окружающую меня действительность, и мне казалось, что всё это временно, что вот-вот закончится и надо только переждать, и ещё чуть-чуть продержаться. И я держалась – держалась за Алексея. Это был мой спасательный круг в бурлящем водовороте хаоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.